

ЭЛЛЕН ВО

МОРОК ПОМНИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эллен Во

Морок помнит

<https://litres.ru/74604384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Журналист Лиара Вельская не верит в случайные ошибки, особенно когда чиновника увольняют через восемь дней после его смерти. Проверка одного документа приводит её к девяти исчезнувшим двуприродным, странным изменениям в Реестре Ликов и Управлению Глубины — ведомству, которое слишком хорошо умеет хранить государственные тайны.

А ещё к Мареку Талю, советнику Управления. Он знает больше, чем собирается рассказывать, раздражающе красив, почти неприлично сдержан и почему-то уверен, что Лиаре стоит прекратить расследование. С последним у неё особенно плохо.

Всё меняется, когда в доме, которого официально не существует, Лиара находит комнату с именами пропавших. Среди них — её собственное. Теперь ей придётся выяснить, что государство много лет прячет в глубинах Морока, почему кто-то переписывает Лики живых людей и что на самом деле произошло во время Излома.

Мрачное расследование, политические тайны, древняя магия и двое людей, которым определённо не стоило интересоваться друг другом.

Содержание

Пролог	5
Из Архива Девяти. Хранилище I.	5
Свиток 17/0. Сводная запись об Изломе.	
Последняя редакция утверждена на сто семьдесят первом году после Излома.	
Доступ: общий. Дополнения, сделанные до учреждения Союза Девяти, признаны недостоверными и изъяты.	
Дополнение 17/0-III. Обнаружено при переносе Нижнего архива после затопления западного крыла. Автор неизвестен. Дата предположительно предшествует учреждению Союза. Хранение документа признано нарушением постановления Палаты 11-Г. Уничтожить после ознакомления.	13
Глава 1. Мёртвые не увольняются	15
Глава 2. Дверь, которой не было	34
Глава 3. Человек, которого здесь нет	56
Глава 4. Десять фамилий	79
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Эллен Во

Морок помнит

Пролог

**Из Архива Девяти. Хранилище I.
Свиток 17/0. Сводная запись об Изломе.
Последняя редакция утверждена на сто
семьдесят первом году после Излома.
Доступ: общий. Дополнения, сделанные
до учреждения Союза Девяти,
признаны недостоверными и изъяты.**

До Излома земля была единой. Так утверждают карты, сохранившиеся в нижних хранилищах Палаты, так говорят каменные столбы, которые находят теперь на разных берегах Морока, хотя некогда они отмечали одну и ту же дорогу, и так написано в книгах, переживших ночь, когда вода пришла туда, где отродясь не было моря. О том, какой была эта земля, известно куда меньше.

Люди охотно запоминают гибель мира и удивительно быстро забывают, как он жил.

На севере поднимались горы, которые ныне называют Бельми Хребтами, хотя старые народы не давали им общего имени и полагали, что всякая вершина обладает собствен-

ным нравом, памятью и правом решать, кому позволено вернуться домой. За горами лежали земли, где зимой солнце едва показывалось над краем мира, а по ночам небо вспыхивало зелёным огнём. Там ставили камни, которых нельзя было касаться железом, оставляли пищу хозяевам снега и никогда не произносили имени умершего над открытой водой.

Южнее тянулись леса и великие реки. Особенно много преданий сохранилось о реке, которую старые записи называют то Великой Матерью, то Белой Дорогой, то просто Рекой, словно никакой другой воды в мире не существовало. По её берегам жили десятки народов, говоривших на разных языках, почитавших разных духов и неизменно сходившихся в одном: у воды есть память. Она помнит кровь. Помнит клятвы. Помнит имена тех, кто утонул. И иногда возвращает долги.

Именно в речных землях впервые появились письменные свидетельства о зилантах. Сегодня детям рассказывают, будто зиланты были огромными крылатыми ящерами, жившими в пещерах и похищавшими скот, однако древнейшие изображения этому противоречат. На камнях они похожи то на змей, то на птиц, то на существ, для которых у человеческого языка попросту не нашлось подходящего слова. Некоторые имеют четыре лапы, другие две, у одних изображены крылья, у других вместо них над спиной вырезаны знаки, значение которых утрачено.

Объединяет изображения только одно. Рядом с зилан-

том почти всегда изображён человек. Иногда он стоит. Иногда преклоняет колено. Иногда протягивает руку. Ни на одном из известных изображений человек не держит оружия.

После учреждения Союза данное обстоятельство было признано художественной условностью.

Первые достоверные сведения о людях со вторым Ликом относятся приблизительно к тому же времени. Согласно действующему определению Палаты, Ликом называется врождённое проявление иной природы человека, способное изменять его тело, восприятие либо окружающую действительность. Лик не наследуется прямым образом, не может быть приобретён, передан или утрачен и не определяет нравственные качества носителя.

Последнее положение было внесено в Свод законов после Третьего мятежа.

До этого людям хватило почти тысячи лет, чтобы обвинить друг друга во всех возможных несчастьях. В одном селении ребёнка с Ликом считали благословением. В соседнем его топили прежде, чем мать успевала дать ему имя. Одни правители собирали двуприродных при дворе, другие объявляли на них охоту, третьи создавали из них войска, а наиболее дальновидные предпочитали делать всё перечисленное одновременно, меняя законы в зависимости от того, кому

именно требовалось отрубить голову на этой неделе. Однако существовали Лики, которых опасались даже среди дуприродных. Горные хроники упоминают ирбисов. Морские говорят о керах. Первые почти никогда не покидали высоких земель и не признавали над собой власти, кроме собственно-го слова. Говорили, что ирбис способен пройти там, где для другого заканчивается дорога, исчезнуть среди голого камня и услышать шаг человека прежде, чем тот решит его сделать. Последний достоверно описанный носитель этого Лика, согласно сохранившимся государственным хроникам, погиб за девятнадцать лет до Излома. Более поздние свидетельства официально признаны недостоверными, хотя причины такого решения в доступных архивных материалах не приводятся.

Керы принадлежали воде. В отличие от ирбисов, они не исчезли из известных летописей и встречаются поныне, хотя преимущественно на восточных побережьях и Звонких островах. Их Лик считается редким, но достаточно изученным, чтобы само его наличие не вызывало особенного удивления. Сведения о древних керах, однако, значительно противоречивее, поскольку большая часть документов Управления Глубины по-прежнему закрыта, а свидетельства рыбаков отличаются тем досадным свойством, что количество зубов у морского чудовища неизменно растёт пропорционально количеству выпитого рассказчиком. Тем не менее несколько источников сходятся в главном. Керы

чувствовали живое на расстоянии. Они различали страх, слышали движение под водой и могли находить друг друга в полной темноте на расстояниях, которые считались невозможными. Подобные способности в той или иной степени сохранились и у современных носителей этого Лика, однако древние тексты приписывают их предшественникам нечто большее: умение слышать движение самой глубины, различать отклик там, где не было ни единого живого существа, и узнавать о приближении того, чему ещё только предстояло появиться.

Современная наука относит последние свидетельства к области морского фольклора. В древних текстах керов редко изображали поодиночке, и именно это долгое время считалось главным отличием керов от ирбисов. Одни принадлежали множеству. Другие не принадлежали никому.

По какой причине изображения обоих Ликов встречаются рядом с изображениями зилантов, современная наука удовлетворительного объяснения не имеет.

Сам Излом произошёл в ночь с семнадцатого на восемнадцатый день Последнего месяца. Точное время неизвестно. Свидетели, находившиеся на севере, сначала увидели свет. Свидетели на юге услышали звук. Жители речных земель рассказывали, что вода внезапно остановилась, словно великая река на несколько мгновений забыла, в какую сторону ей следует течь. Рыба поднялась к поверхности. Собаки выли. Лошади рвали привязь. На дальнем севере разом

погасло сияние, и над снегами установилась такая темнота, что старики позднее клялись, будто впервые увидели ночь без неба. Потом земля раскрылась. Трещина прошла через материк от северных ледников до южных степей, ломая города, леса, дороги и горные цепи, словно всё созданное людьми и природой было лишь рисунком на тонком листе. А затем пришла вода. Никто до сих пор не установил, откуда её оказалось столько. За семь дней исчезла почти треть известной суши, а на месте равнин возникли проливы. Вершины холмов превратились в острова. Дороги оборвались у новых берегов, и ещё десятилетиями путники находили под водой каменные указатели, обещавшие несколько дней пути до городов, над которыми теперь проходили корабли. Так появился Морок. Название возникло позднее, однако прижилось быстро, поскольку моряки утверждали, что вода там ведёт себя неправильно. Глубина менялась без причины. Компасы вращались. В безветрие поднимались волны. Люди слышали под днищем голоса тех, кто давно умер, а некоторые корабли возвращались в гавань через несколько месяцев после исчезновения, хотя для их команд миновало лишь несколько часов.

Были и корабли, которые возвращались без команд. Были команды, которые возвращались без кораблей. Были вещи, о которых в приличном архивном документе писать не принято.

Первые десятилетия после Излома получили название

Беспутных лет. Государства исчезали быстрее, чем картографы успевали наносить новые границы. Начались голод, войны и переселения. Северные народы уходили вслед за стадами через замёрзшие проливы, жители речных земель строили поселения на крышах затопленных городов, а на юге за мешок зерна иной раз отдавали земли, за которые прежде воевали несколько поколений. Зиланты исчезли. Официальная наука полагает, что вид не пережил изменение среды. Последнего из них якобы видели на сорок первом году после Излома над восточным берегом Морока. Существо летело на север, хотя одно крыло было повреждено, а за ним тянулся дым. Тела не нашли.

Впрочем, люди вообще удивительно часто объявляют мёртвым всё, что перестаёт попадаться им на глаза.

На пятьдесят третьем году после Излома представители девяти крупнейших земель собрались на острове Светоград и заключили договор, положивший конец Беспутным годам. Так появился Союз Девяти. Срединные земли представили Союзу Светоград, где отныне заседала Палата Девяти. Белые Хребты дали ему камень и железо. Земли Великой Реки открыли речные пути, связавшие уцелевшие города. Золотые Степи дали хлеб и коней. Серое Полесье сохранило леса и дороги, которые не всегда соглашались вести путников туда, куда те направлялись. Пепельные земли принесли руду и знания, добытые ценой, о которой предпочитали не вспоминать. Звонкие острова открыли морские торговые

пути. Ледяная Грань приняла на себя охрану северных рубежей Морока. Девятый Предел предоставил Союзу то, что в первоначальном тексте договора обозначено единственным словом: «защита».

В позднейших копиях этот пункт отсутствует.

На семьдесят втором году после Излома был создан первый орган наблюдения за Мороком, впоследствии преобразованный в Управление Глубины.

На восемьдесят первом появились законы о регистрации двуприродных.

На девяностом году после Излома Палата официально запретила исследования, направленные на отделение Лика от носителя, объявив подобную процедуру невозможной и противоречащей действующему законодательству.

На девяносто первом году были уничтожены документы, описывавшие способы проведения невозможной процедуры.

Основание для уничтожения в общедоступных протоколах отсутствует. Сведения о происшествиях на Девятом Пределе за тот же период переданы в закрытое хранение.

На этом общедоступная часть свитка заканчивается.

Дополнение 17/0-III. Обнаружено при переносе Нижнего архива после затопления западного крыла. Автор неизвестен. Дата предположительно предшествует учреждению Союза. Хранение документа признано нарушением постановления Палаты 11-Г. Уничтожить после ознакомления.

Если вы читаете это, значит, они снова начали говорить, что Излом был катастрофой. Не верьте. Я находился там. Я видел людей, которые его совершили. Они не пытались расколоть мир. Они пытались его закрыть.

Мы слишком поздно поняли, что глубина под нами не является глубиной и вода не является водой. Старые народы знали это задолго до нас, поэтому приносили дары рекам, не тревожили камни на севере и никогда не называли зилантов зверями. Мы смеялись над их сказками. Потом перестали.

Когда первые города исчезли, мы убедили себя, что осталось только одно средство. Нужно было разорвать дороги между мирами прежде, чем откроется последняя. Так

утверждали те, кому доверили принимать решения, и я был среди тех, кто им поверил. Мы пожертвовали землёй, морем и миллионами людей, которых никто не спросил, готовы ли они стать ценой чужого спасения. Тогда я не сомневался, что иного выхода не существовало.

Теперь мне остаётся лишь надеяться, что мы не ошиблись. Зиланты были там. Они пытались остановить происходящее, хотя мы так и не узнали, чего именно добивались. Многие исчезли в ночь Излома. Оставшиеся ушли туда, куда мы не смогли последовать. Мы называли их союзниками, потому что нам было удобнее думать, будто они разделяли наши решения. И если однажды они вернутся, не встречайте их оружием. Не бегите. Не пытайтесь заставить их служить. Спросите только одно. **Что заставило их вернуться.** Потому что зиланты никогда не боялись людей. По крайней мере, мы так считали. Мы были уверены, что они боятся того, что осталось по ту сторону Излома. Во всяком случае, именно так мы истолковали их молчание.

И если спустя сто семьдесят лет над Мороком снова услышат крылья, значит, древняя печать дала трещину, вода вспомнила старое русло и колесо, которое мы ценой целого мира остановили однажды, снова тронулось с места. Тогда молитесь своим богам, если они ещё способны вас услышать. Но прежде закройте двери. Особенно те, которых вчера в вашем доме ещё не было.

Глава 1. Мёртвые не увольняются

Дождь шёл третий день подряд, с тем редким для Светограда упорством, которое городские власти обычно проявляли только в двух случаях: когда требовалось собрать новый налог или доказать, что никакой проблемы не существует.

К полудню мостовые окончательно потеряли цвет, крыши потемнели от воды, а Морок за ними слился с низким небом в одну тяжёлую свинцовую полосу. Ветер тащил с набережной сырость, запах соли и мокрого камня, загонял дождь под воротники прохожих и швырял в окна редакции «Гласа» мелкую водяную дробь, словно пытался настойчиво напомнить журналистам, что внешний мир по-прежнему существует и, судя по всему, недоволен их работой.

Внутри пахло мокрой шерстью, типографской краской, дешёвой бумагой и кофе, который умер ещё утром, но продолжал исполнять обязанности. Лиара Вельская сидела на широком подоконнике, прислонившись плечом к оконной раме, и читала приказ об увольнении человека, который к моменту увольнения уже восемь дней как был мёртв. Сапоги она поставила на стул главного редактора. Не из принципа и уж точно не из вредности. Просто другого свободного места поблизости не оказалось, а принцип в редакции всё равно никто не ценил.

Бумага была плотной, хорошей, с едва заметным водяным знаком Канцелярии внутренних земель. В левом верхнем углу стоял регистрационный номер, ниже располагалась круглая синяя печать, настолько чёткая, что можно было различить мельчайшие насечки на государственном гербе. Подпись заместителя управляющего тоже выглядела безупречно: уверенный росчерк человека, которому никогда не приходилось сомневаться, имеет ли он право распоряжаться чужой жизнью.

Приказ 4187. «Советника третьего ранга Эльмара Вейра освободить от занимаемой должности по собственному желанию в связи с состоянием здоровья».

Лиара перечитала последнюю строку и медленно провела ногтем по краю листа. Она не любила идеальные документы, поскольку они всегда напоминали ей мужчин с безукоризненно чистыми сапогами: теоретически ничего подозрительного, практически сразу хочется узнать, где именно они умудрились не испачкаться.

Эльмара Вейра нашли мёртвым шестого числа. Уволили четырнадцатого. Сегодня было двадцать третье. Лиара подняла глаза. За соседним столом Рен уже несколько минут делал вид, будто чрезвычайно увлечён правкой заметки о новых тарифах на речные перевозки. Получалось скверно. Он слишком часто косился в её сторону, а когда человек каждые десять секунд смотрит на тебя поверх страницы, это либо любовь, либо профессиональное любопытство.

В случае Рена первое исключалось по обоюдному согласию.

— Ты знала его? — наконец спросил он.

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

Лиара посмотрела на своё отражение в тёмном оконном стекле. Тонкое лицо, тёмные брови, выбившиеся из собранных волос влажные кудри, которые после дороги через половину города окончательно решили жить собственной жизнью. Ничего особенно примечательного.

— Какое?

— То самое.

— Очень содержательно.

Рен отложил карандаш.

— Вельская, я работаю с тобой четвёртый год. У тебя есть обычное лицо, злое лицо и лицо «мне стало любопытно». Последнее обходится редакции дороже всего.

— Мне стало любопытно. — Лиара снова посмотрела на приказ, нехотя согласившись.

Рен тихо выругался.

— Вот и я о том же.

Она улыбнулась, но скорее краем рта, чем по-настоящему. С Эльмаром Вейром действительно не было ничего общего. Чиновник среднего ранга, сорок семь лет, вдовец, детей нет, последние двенадцать лет служил в Канцелярии внутренних земель. Не настолько влиятельный, чтобы его смерть обсуж-

дали в Палате, и не настолько ничтожный, чтобы исчезновение прошло совсем незамеченным. Идеальный винтик государственной машины: достаточно важный, чтобы подписывать бумаги, но недостаточно важный, чтобы кто-нибудь интересовался им самим.

Вейр умер дома. Дверь была заперта изнутри, окна закрыты, следов борьбы не обнаружено. Соседка услышала грохот около полуночи, но решила, что чиновник опять уронил шкаф или собственное достоинство, и легла спать. Утром служанка вызвала городскую стражу. Заключение лекаря оказалось лаконичным: остановка сердца. Для человека сорока семи лет неприятно, но не невозможно. Однако имелась одна деталь. Эльмар Вейр был двуприродным. И после его смерти Лик не обнаружили.

Лиара несколько секунд смотрела на строку в копии протокола, которую получила утром от человека, предпочитавшего, чтобы его имя никогда не появлялось рядом со словом «Канцелярия».

— Рен.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Именно поэтому и нет.

Она спрыгнула с подоконника, взяла чашку с ближайшего стола, понюхала и немедленно поставила обратно.

— Это кофе?

— Был им при жизни.

— У нас всё сегодня какое-то посмертное.

Рен тяжело вздохнул.

— Чего ты хочешь?

— Архив происшествий за три месяца. Смерти, исчезновения, неопознанные тела.

— Зачем? — настороженно спросил он.

— Хочу проверить одну мысль.

— Какую?

Лиара посмотрела на него.

— Если скажу, ты начнёшь отговаривать.

— Разумно.

— Поэтому не скажу.

Через сорок минут на её столе лежали три стопки газетных вырезок, сводки городской стражи, копии протоколов и несколько листов, происхождение которых приличному изданию следовало бы отрицать даже под пытками. За окном продолжал бесноваться дождь. Редакция жила своим обычным шумом: кто-то спорил с наборщиком, в дальнем углу два корреспондента выясняли, можно ли назвать члена Палаты идиотом, если имеется три независимых источника, подтверждающих диагноз; хлопала входная дверь, шуршала бумага, звенели чашки, а старые часы над книжным шкафом отставали ровно на семь минут, потому что главный редактор считал это хорошим способом воспитывать пунктуальность. Лиара перестала слышать всё это примерно после пятого дела. К седьмому она перестала пить кофе. К девятому

выпрямилась. На листе перед ней стояли девять имён.

Девять человек исчезли за последние одиннадцать недель. Разный возраст, разные профессии, разные районы Светограда. Лекарь. Учитель. Портовый служащий. Вдова торговца. Мальчишка-подмастерье, которому едва исполнилось девятнадцать. Никакой очевидной связи между ними не существовало, если не считать той, которую городская стража почему-то не сочла заслуживающей внимания. Все девять были двуприродными.

Лиара положила рядом регистрационные карточки. Доступ к Реестру Ликов был закрытым. Разумеется, это совершенно не мешало ей периодически туда заглядывать. Она не считала это преступлением. Скорее своеобразной формой гражданского контроля, которую государство почему-то упорно отказывалось ценить. Лиара медленно перелистывала копии:

Лиса.

Сокол.

Рысь.

Выдра.

Олень.

Ворон.

Волк.

Ещё два вполне обычных Лика. Слишком обычных.

Она вернулась к первой карточке, потом ко второй, затем подняла сведения о дате регистрации и почувствовала зна-

комое внутреннее движение, которое всегда возникало перед хорошим расследованием: не восторг и даже не азарт, а почти физическое ощущение, будто разрозненные куски мира вдруг начинают медленно поворачиваться правильными сторонами. Все девять карточек менялись. Не одновременно, не одним чиновником и даже не в одном отделе. Кто-то оказался достаточно осторожен, чтобы развести изменения по времени, распределить их между разными регистраторами и спрятать среди тысяч совершенно законных исправлений. Но исправления были. За последний год каждому из девяти заменили сведения о Лике. Какими они были прежде, в доступной части Реестра больше не значилось. Лиара придвинула к себе дело Вейра и положила его имя под остальными. Десятый.

Где-то далеко над Мороком прокатился низкий звук. Не гром. Гром приходил сверху, раскалывая небо и заставляя оконные стёкла вздрагивать. Этот звук пришёл откуда-то снизу, из глубины, настолько низкий, что ухо почти не различало его, зато тело услышало прекрасно. Дрожь прошла по полу, поднялась по ножкам стола и неприятно отозвалась под рёбрами. Разговоры в редакции на мгновение стихли. Лиара обнаружила, что сломала карандаш.

Рен подошёл к окну.

— Опять.

— Что «опять»? — задумчиво поинтересовалась девушка.

— Вчера ночью было то же самое. В порту говорят, из Управления Глубины выходили три судна.

Лиара посмотрела поверх крыш. Морок отсюда казался почти неподвижным. Чёрная полоса воды растворялась в тумане, и только редкие белые птицы металась над ней, слишком высоко и слишком далеко от берега. На севере говорили, что на большую воду нельзя смотреть слишком долго, если кажется, будто она смотрит в ответ.

Лиара считала это суеверием. Большей частью.

— С исчезновениями не связано, — сказал Рен.

— Скорее всего.

— Ты сейчас сказала «скорее всего» таким голосом, будто уже собралась доказать обратное.

Она бросила обломки карандаша на стол.

— Я ненавижу выражение «скорее всего».

— Почему?

— Потому что обычно оно означает, что кому-то было лень проверить.

Рен посмотрел на десять имён.

— Куда?

Лиара надела пальто.

— В Канцелярию.

— Зачем?

Она застегнула верхнюю пуговицу и спрятала под воротник выбившийся локон.

— Сначала дам им возможность соврать.

Канцелярия внутренних земель занимала огромное серое здание в центре Светограда, построенное в ту эпоху, когда архитекторы, очевидно, считали главной обязанностью государственного учреждения подавлять человека ещё до того, как он переступит порог. Высокие колонны, тяжёлые двери, лестница из тёмного гранита и два каменных зверя у входа, настолько уродливые, что Лиара каждый раз подозревала в них портретное сходство с кем-нибудь из основателей Союза. Внутри пахло воском, пылью и властью. Последняя, как выяснилось, имела довольно затхлый запах.

До кабинета помощника Эльмара Вейра она добралась за двадцать семь минут, три подписи, две угрозы написать о бюрократических препятствиях и одну совершенно бессовестную ложь о согласованной встрече. Помощник оказался молодым человеком с лицом человека, который уже пожалел о выбранной профессии, но пока не успел накопить достаточно денег, чтобы её сменить.

— Госпожа Вельская, я уже сказал, что не уполномочен обсуждать обстоятельства смерти советника Вейра.

— Прекрасно. Обсудим обстоятельства его увольнения.

Он моргнул. Лиара улыбнулась.

— По собственному желанию, — сказал помощник.

— Через восемь дней после смерти.

— Это административная ошибка.

— Какая удобная.

— Ошибки случаются.

— Разумеется. Особенно когда умершие начинают подавать заявления.

Он поджал губы. Лиара видела, как его пальцы едва заметно сжали край стола.

— Я больше ничего не могу вам сообщить.

— Тогда скажите только одно. Кто оформлял перевод Вейра?

Пауза оказалась короткой, но достаточной.

— Какой перевод? — напрягся помощник.

Вот теперь она улыбнулась по-настоящему.

— Спасибо.

— За что?

— За подтверждение.

— Я ничего не подтверждал.

— Вы спросили «какой перевод», а не «о чём вы говорите».

Лицо помощника изменилось. Совсем чуть-чуть, но этого вполне хватило.

— Госпожа Вельская...

— Куда его переводили?

— Я не могу...

— Номер приказа.

— Я сказал...

— Номер.

Он посмотрел на дверь. Лиара тоже посмотрела. Потом снова на него. Через минуту на полях её блокнота появились

шесть цифр. Ещё через три она уже знала, что приказ был засекречен. А через двадцать стояла перед зданием Управления Глубины.

Здание находилось почти у самого Морока. Здесь Светоград менялся. Шум центральных улиц оставался позади, дома становились ниже, камень темнее, ветер сильнее, а воздух приобретал тот особенный вкус, который невозможно было спутать с речным: соль, мокрые водоросли, холодный металл и едва уловимая горечь, напоминающая кровь на разбитой губе.

Здание Управления было сложено из почти чёрного камня, гладкого и блестящего от дождя. Над дверями висела небольшая серебряная табличка:

УПРАВЛЕНИЕ ГЛУБИНЫ.

Никаких гербов. Никаких лозунгов. Никаких каменных чудовищ. Организации, способные действительно испортить человеку жизнь, редко нуждались в украшениях.

Лиара поднялась по ступеням. Стражник у входа посмотрел на удостоверение «Гласа», затем на неё и вернул документ с выражением человека, которому только что предложили добровольно заразиться чем-нибудь неприятным.

— Управление комментариев не даёт.

— Я ещё не задала вопрос.

— Всё равно не даёт.

— Удобная работа.

Он промолчал.

— Эльмар Вейр. — сказала Лиара.

Ничего.

— Советник Канцелярии внутренних земель.

Ничего.

— Переведён к вам незадолго до смерти.

На этот раз изменился взгляд. Едва заметно, но Лиара почувствовала удовлетворение.

— Значит, всё-таки слышали, — невинно хлопая глазами уточнила Вельская.

— Покиньте территорию Управления.

— Я стою на государственной лестнице.

— Покиньте государственную лестницу.

— А если я напишу, что Управление отказывается комментировать исчезновение десяти двуприродных?

— Напишите.

— Даже не спросите, каких?

— Нет.

— Плохо вас обучают, — начала терять терпение Лиара, как у неё за спиной раздался спиной мужской, низкий и неприятно спокойный голос:

— Что здесь происходит?

Она обернулась. Из дверей Управления вышли трое. Двое продолжили спускаться по лестнице, третий остановился под каменным козырьком, застёгивая перчатку. Высокий. Это Лиара отметила первым. Вторым пришло ощущение физической силы, которую мужчина никак не демонстрировал и именно поэтому невозможно было не заметить. Широкие плечи скрывала тёмная форменная шинель, на высоком воротнике поблёскивала узкая серебряная полоса, а движения оставались настолько неторопливыми и экономными, словно он заранее знал, сколько именно усилий понадобится для

каждого следующего шага, и никогда не тратил больше необходимого.

Тёмные волосы были влажными от дождя, на лице темнела короткая щетина. Красивый, подумала Лиара. И почти сразу раздражённо добавила про себя: какая досада.

Мужчина посмотрел на неё. Ничего не произошло. Время не остановилось, молния не ударила в крышу, Морок не разверзся, а древние боги, если они действительно существовали, не сочли нужным сообщить Лиаре, что её жизнь только что изменилась. Просто незнакомец задержал взгляд на несколько секунд дольше, чем требовала вежливость. Она ответила тем же. Кто первый отвернётся, было совершенно детским соревнованием. Поэтому, разумеется, проигрывать она не собиралась.

— Проблема? — спросил он.

Стражник заметно выпрямился.

— Нет, господин советник. Представитель «Гласа».

Взгляд мужчины скользнул по удостоверению в её руке, затем снова поднялся к лицу.

— Это я уже понял.

— Вы здесь главный? — спросила Лиара.

Один угол его рта едва заметно дрогнул.

— Нет.

— Жаль. Я предпочитаю разговаривать с людьми, которые могут принимать решения.

— Тогда вам действительно не ко мне.

— Какая досада — на этот раз произнесла Лиара вслух.

— Переживёте.

Лиара чуть приподняла бровь.

— Постараюсь.

Он начал спускаться.

— Эльмар Вейр, — произнесла она достаточно громко.

Мужчина остановился. Не резко, но и не настолько, чтобы кто-нибудь менее внимательный вообще заметил. Однако Лиара всю жизнь зарабатывала тем, что замечала вещи, которые другие считали слишком маленькими. Она спустилась на одну ступень:

— Его уволили через восемь дней после смерти. Перед

смертью перевели в Управление Глубины.

Мужчина медленно повернул голову.

— Откуда у вас эта информация?

— Любопытно. Вы первый человек за сегодняшний день, который не сказал, что никакого перевода не было.

На несколько мгновений между ними осталось только шипение дождя по камню.

— Вам следует уйти.

— Это официальный комментарий?

— Совет.

— Бесплатный?

— Пока да.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Не доверяю бесплатным вещам.

Его взгляд неожиданно ушёл куда-то ей за плечо. К Мороку. Изменилось что-то едва уловимое. Не лицо, не поза, даже не дыхание. Скорее внимание мужчины внезапно оказалось целиком направлено туда, словно среди шума дождя он слышал звук, недоступный всем остальным.

Лиара обернулась. Чёрная вода. Туман. Птицы. Ничего.

Когда она снова посмотрела на него, прежнее выражение уже вернулось.

— Как ваше имя? — внезапно спросил он.

— Лиара Вельская.

Он помолчал, будто примеряя имя к какой-то уже существующей мысли.

— Марек Таль. Советник Таль.

Имя почему-то подходило ему раздражающе хорошо.

— Теперь мы официально представлены, — сказала Лиара. — Значит, можете ответить на вопрос.

— Не вижу связи.

— Я тоже. Но попробовать стоило.

На этот раз она совершенно точно заметила короткое движение у его рта. Не улыбка. Скорее организм попытался совершить её без разрешения владельца и был немедленно приведён в порядок.

Интересно, подумала она, но вслух лишь спросила:

— Где находился Вейр за три дня до смерти?

Таль посмотрел на её блокнот.

— Закройте его.

— Почему?

— Потому что ответ вам не понравится.

Лиара перевернула страницу на чистую.

— Теперь мне ещё интереснее.

— Вельская.

— Таль.

Он протянул руку.

— Дайте сюда.

Она прижала блокнот к груди.

— Даже не мечтайте.

Несколько секунд Марек смотрел сначала на блокнот, потом на неё.

— Я собирался написать адрес.

Лиара медленно протянула блокнот.

— Тогда выражайтесь точнее.

Он взял карандаш. Пальцы у него были длинные, с несколькими светлыми шрамами на костяшках. Не руки чиновника, хотя формально перед ней стоял именно чиновник.

Марек написал название улицы и номер дома. Лиара прочитала. Район находился недалеко от старой северной гавани, в той части Светограда, где после Излома несколько кварталов ушли под воду, а новые здания возводили прямо поверх фундаментов старого города.

Она подняла глаза.

— Что там?

Марек вернул ей блокнот.

— Увидите.

— Вы только что советовали мне уйти.

— Советую до сих пор.

— Последовательность украшает мужчину.

Он уже отвернулся, когда добавил:

— Не приходите туда после заката.

Лиара посмотрела на его спину. Потом на адрес. Потом на серое небо, где между тяжёлыми облаками уже начинал растворяться короткий осенний день.

— Ну конечно, — пробормотала она.

Потому что за тридцать четыре года жизни Лиара Вельская усвоила множество полезных вещей. Нельзя пить ре-

дакционный кофе после полудня. Нельзя верить чиновнику, который начинает ответ словами «насколько мне известно». Нельзя оставлять источник без второго способа связи. И если незнакомый мужчина с неприятно красивым лицом, доступом к государственным тайнам и очевидной привычкой что-то недоговаривать сообщает, что в определённое место **не следует приходить после заката**, существует только один надёжный способ выяснить почему. Прийти после заката.

Глава 2. Дверь, которой не было

К старой северной гавани Лиара приехала за двадцать минут до заката, что позволяло ей с совершенно чистой совестью утверждать, что совет Марека Таля она не проигнорировала, а всего лишь истолковала с той степенью буквальности, которую обычно проявляют чиновники, когда закон внезапно начинает мешать им самим.

К вечеру дождь почти иссяк, превратившись в мелкую водяную пыль, которая висела в воздухе, оседала на волосах и ресницах, серебрила камни мостовой и делала Светоград похожим на старую фотографию, слишком долго пролежавшую в сыром ящике. Вода стекала по медным желобам, собиралась в выбоинах и тонкими ручьями уходила к Мороку, а чем ближе экипаж подбирался к старым кварталам, тем заметнее менялся город: широкие улицы центра с их витринами, кофейнями и освещёнными окнами оставались позади, фасады становились темнее, переулки уже, а воздух густел от угольного дыма, мокрой извести, рыбы, водорослей и подвальной сырости, десятилетиями въедавшейся в дома возле гавани.

Извозчик остановился в начале улицы Трёх Мостов и, пока Лиара расплачивалась, дважды посмотрел туда, куда ей предстояло идти. Мужчина был лет пятидесяти, с красными от ветра щеками и седыми усами, на концах которых бле-

стели дождевые капли. Деньги он пересчитал быстро, однако повода почему-то не натянул.

— Подождать? — спросил он наконец.

Лиара уже спустилась на мостовую и поправляла ремень сумки.

— Нет, спасибо.

— Я бы подождал, — сообщил извозчик после короткого раздумья, продолжая смотреть в глубину улицы.

Лиара проследила за его взглядом, но не обнаружила там ничего интереснее тёмных фасадов и нескольких тусклых фонарей.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Из вежливости.

— А совет зачем даёте?

Мужчина пожал плечами.

— Из опыта.

Это ей понравилось больше. Лиара достала медяшку и бросила ему, извозчик поймал монету одной рукой, спрятал в карман и всё-таки наклонился чуть ближе.

— После темноты здесь лучше не стоять.

— Вы сегодня второй человек, который говорит мне примерно одно и то же.

— Значит, первый был не дурак.

— Не будем торопиться с выводами, — ответила Лиара, застегнув пальто.

Возница хмыкнул, тронул лошадь и через несколько мгно-

вений исчез за поворотом, оставив после себя только затихающий стук колёс. Вместе с ним улица словно лишилась последнего признака нормальной городской жизни, хотя до центра отсюда было меньше получаса пешком.

Лиара повернулась к дому. Номер семнадцать стоял в самом конце улицы, втиснутый между старым портовым складом и доходным зданием с заколоченными окнами первого этажа. Четыре этажа тёмного кирпича, высокая покатая крыша, узкие окна и остатки каменных наличников, некогда украшенных человеческими лицами, которые ветер, соль и дожди за десятилетия превратили в безглазые маски. Ни света, ни вывески, ни занавески за мутным стеклом, однако настоящей заброшенности в нём почему-то не чувствовалось: дом скорее напоминал человека, который притворился спящим и теперь слишком старательно следит за собственным дыханием.

Лиара достала блокнот и сверилась с записью: **Улица Трёх Мостов, 17**. Марек написал адрес ровным, почти раздражающе аккуратным почерком, не оставив ни имени, ни номера квартиры, ни пояснения, что именно она должна здесь искать. Если это была попытка удержать её от дальнейшего расследования, советник Управления Глубины обладал весьма своеобразным представлением о человеческой психологии.

Солнце ещё не село, а, следовательно, технически она выполняла его рекомендацию. Удовлетворившись этим безупречным рассуждением, Лиара перешла дорогу. На крыльце пахло мокрым камнем и старым деревом. Она постучала один раз, подождала, затем повторила громче, но внутри никто не отозвался. Только где-то далеко и размеренно пада-

ла вода, причём интервалы между каплями были настолько одинаковыми, что через несколько секунд Лиара невольно начала их считать. На двенадцатой она попробовала ручку и верь открылась.

— Разумеется, — пробормотала Лиара, заглядывая внутрь. — Было бы странно, если бы хоть что-нибудь сегодня потребовало ключ.

За порогом оказалось заметно темнее, чем можно было ожидать в этот час. За спиной ещё существовал Светоград. По мокрой мостовой проехал экипаж, на соседней улице кто-то выкрикнул цену на уголь, хлопнула дверь, женский смех на мгновение пререзал вечерний шум, однако стоило Лиаре войти, как все эти звуки будто отодвинулись на несколько домов дальше.

Она оставила входную дверь открытой. Не из страха, разумеется. Просто хороший журналист должен всегда помнить, где находится ближайший выход, а если хороший журналист регулярно пренебрегает этим правилом, его профессиональная биография рискует закончиться раньше, чем хотелось бы главному редактору.

Дом пах мокрым деревом, залежалой пылью и чем-то сладковатым, напоминавшим давно погасший ладан. Вдоль стены тянулся ряд пустых крючков, под ними стояла рассохшаяся скамья, а возле первой ступени лежал перевернутый детский башмак, настолько маленький, что его владельцу вряд ли могло быть больше семи. Кожа давно высохла и

пошла трещинами, шнурок почти истлел, а толстый нетронутый слой пыли говорил о том, что ребёнок потерял его не вчера и даже не прошлой зимой.

Лиара присела, не касаясь находки. Если дом пустовал годами, Эльмару Вейру совершенно нечего было здесь делать за три дня до смерти. Если только он приходил не к жильцам.

Возле лестницы висели старые почтовые ящики, большинство давно лишилось дверец, но на нескольких ещё сохранились пожелтевшие полоски бумаги с фамилиями. Лиара переписала их на всякий случай, после чего подняла голову и посмотрела вверх.

Четыре этажа. Именно столько она видела с улицы. На первом обнаружили три квартиры, две запертые и одна распахнутая настежь. За последней скрывалась пустая комната с голыми стенами, разобранной печью и тёмным прямоугольником на выцветших обоях, оставшимся от когда-то висевшей картины. На полу валялась газета семилетней давности, из которой Лиара успела узнать, что Палата обещала окончательно решить проблему портовых сборов, а значит, некоторые явления в Осколе действительно обладали большей продолжительностью жизни, чем человеческие поколения.

На втором этаже ничего интереснее мёртвого голубя не нашлось, зато на третьем температура резко упала. Лиара остановилась посреди лестницы и провела ладонью по предплечью. Сквозняка не было, разбитых окон тоже, но воз-

дух становился всё холоднее, а звуки улицы слабели, словно между ней и городом незаметно вырастали дополнительные стены.

На четвёртом она подошла к окну, стёрла ладонью грязь со стекла и выглянула наружу. Крыша портового склада находилась почти на уровне глаз, именно там, где ей и следовало находиться, если Лиара действительно стояла на последнем этаже. Она обернулась. Лестница продолжалась вверх. Несколько секунд Лиара просто смотрела на неё, ожидая, вероятно, что архитектурное недоразумение проявит порядочность, смутится и исчезнет самостоятельно. Оно не исчезло. Ещё один пролёт совершенно спокойно поднимался к площадке, которой снаружи существовать не могло.

— Нет, — сказала Лиара.

Однако дом в дискуссию не вступил. Она снова подошла к окну, пересчитала этажи соседнего здания, проверила высоту склада, затем вернулась к лестнице и нарисовала в блокноте примитивный прямоугольник дома. Четыре горизонтальные линии легли одна над другой, пятую она провела медленнее, некоторое время посмотрела на результат и зачеркнула. Архитектура от этого не исправилась.

Любопытство обладало множеством профессиональных достоинств, но с инстинктом самосохранения уживалось отвлечённо, поэтому примерно через полминуты Лиара уже поднималась туда, куда разумный человек предпочёл бы не подниматься вовсе.

На пятом этаже запах исчез. Не ослаб, не сменился другим, а пропал настолько полно, что она невольно вдохнула глубже, проверяя собственные ощущения. Воздух оставался холодным, лёгкие наполнялись им без труда, но в нём больше не было ни сырости старого дома, ни пыли, ни плесени, ни угольного дыма с улицы, словно этот коридор существовал отдельно от здания и города.

Сам коридор тоже был неправильным. Он уходил вперёд метров на двадцать, хотя ширины дома не хватило бы даже на половину такого расстояния, а стены вместо старой штукатурки были сложены из гладкого серого камня, влажного и ледяного под пальцами.

Лиара коснулась поверхности, растёрла оставшийся на коже белёсый налёт и осторожно попробовала его кончиком языка. Соль. Впереди упала капля, затем ещё одна, и каждый звук возвращался слабым эхом, будто перед ней находился не коридор старого дома, а длинная каменная галерея, уходящая значительно дальше, чем позволяла геометрия Светограда.

Чем дальше Лиара шла, тем полнее исчезал город. Сначала перестали слышаться экипажи, затем голоса, потом ветер. Наконец остались только её шаги, собственное дыхание и редкие капли воды, отмерявшие время с неприятной методичностью.

Лиара замедлила шаг. В конце коридора стояла дверь. Она была чёрной, но не потому, что её когда-то покрасили. Де-

рево сохранило бы волокна, металл отражал бы свет, камень имел бы неровности, тогда как эта поверхность оставалась совершенно однородной и матовой, словно кто-то вырезал прямоугольник из самой темноты и аккуратно вставил его в стену. Ни ручки, ни замочной скважины не было, только знак посередине: три вытянутые линии сходились в одной точке, а вокруг проходил круг, не замкнутый всего на ширину пальца.

Она подошла ближе и почувствовала неприятное узнавание. Она уже видела этот символ. Не здесь и, кажется, очень давно. Возможно, в архивной книге, на старом северном камне или на ткани с вышивкой, которую кто-то когда-то держал перед ней. Воспоминание находилось совсем рядом, однако всякий раз, когда она пыталась за него ухватиться, ускользало, оставляя после себя лишь странное ощущение холода.

Достав блокнот, Вельская начала перерисовывать знак, тщательно сохраняя пропорции. Когда карандаш закончил последнюю линию, за дверью кто-то глубоко вдохнул. Она замерла. Несколько секунд ничего не происходило.

— Кто здесь? — спросила Лиара и почти сразу пожалела о собственной инициативе, потому что, если за неизвестной чёрной дверью действительно находился человек, логичнее было бы сначала выяснить, почему он предпочитает дышать в темноте, а уже потом обращаться к нему по имени.

Ответа не последовало, зато изменилось пространство.

Сначала настолько незначительно, что Лиара решила, будто дело в свете. Лестница за спиной показалась дальше, чем была несколько минут назад. Она обернулась, прикинула расстояние и нахмурилась, потому что до выхода теперь было не четырнадцать шагов, как она почему-то совершенно точно знала, а семнадцать. Лиара снова посмотрела на дверь. Промежуток в круге исчез - знак был замкнут. За дверью снова вдохнули, на этот раз совсем близко.

— Лиара, — негромко, почти спокойно, прозвучал голос. Но кожа на затылке девушки мгновенно стянулась холодом, потому что звук пришёл не из-за двери и даже не из коридора. Он возник прямо у неё в голове.

На этот раз Лиара не стала задавать вопросов. Профессиональное любопытство являлось полезным качеством ровно до того момента, пока неизвестные собеседники не начинали обращаться к журналисту изнутри его собственного черепа, после этого его следовало хотя бы временно считать вредной привычкой.

Она развернулась к лестнице и пошла обратно, пока ещё не позволяя себе бежать. После третьего шага воздух сдавил грудь, стены словно качнулись навстречу друг другу, а пространство на мгновение сложилось, как лист бумаги, который кто-то перегнул пополам и тут же расправил.

Чёрная дверь теперь стояла перед ней. Между Лиарой и лестницей. Она остановилась и медленно выдохнула. — Вот теперь мне это всё очень-очень не нравится.

Что-то коснулось её сознания, но не ворвалось и даже не надавило, а провело по самому краю восприятия осторожно, почти ласково, словно проверяло, действительно ли нашло то, что искало. И тогда проснулась её вторая природа.

Это состояние Лиара знала с детства и давно перестала задумываться, почему в такие мгновения мир становится другим. Цвета тускнели, зато пространство обретало почти физическую ясность. Она чувствовала расстояние до стены, положение лестницы, пустоты за камнем и слабые места там, где человеческий глаз видел только сплошную поверхность. Официально её лик был рысью, ничего особенно редкого или примечательного. Однако временами его способности проявлялись странно, словно животное внутри неё понимало пространство каким-то собственным способом, которому Лиара так и не научилась подбирать точные слова. Сейчас это ощущение стало сильнее, чем когда-либо прежде. Она чувствовала движение воды глубоко под ногами и нечто настолько далёкое, что человеческий разум отказывался определять расстояние до него. Слух обострился, к запахам вернулись соль, сырой минерал и едва различимая металлическая горечь, а мышцы налились спокойной готовностью, которая всегда приходила, когда опасность переставала быть предположением. Страх никуда не исчез, но под ним поднялось другое чувство, упрямое и почти злое. Чем сильнее это место пыталось её запереть, тем отчётливее вторая природа Лиары знала, что выход существует. Просто находится не

там, где его ищут глазами.

За чёрной дверью что-то шевельнулось, и почти одновременно Лиара почувствовала неправильность правой стены. За камнем существовал путь, настолько узкий и невозможный, что для обычного зрения его просто не было. Он пролегал словно между двумя слоями пространства, там, где физически не могло существовать ничего, и всё же она ощущала его с такой же несомненностью, с какой чувствовала положение собственной руки. Лиара приложила ладонь к стене и камень обжёг холодом. Она надавила, и поверхность не треснула, не отодвинулась, а уступила под пальцами с вязкой мягкостью воды. Это был прекрасный момент, чтобы уйти и совершенно неподходящий момент, чтобы быть Лиарой Вельской.

Она без лишних сомнений шагнула внутрь. Темнота поглотила её настолько полно, что несколько мгновений Лиара не понимала, открыты ли у неё глаза. Исчезли верх и низ, пропало ощущение расстояния, зато появился вкус: металлический, солёный, похожий на кровь с рассечённой губы, а вслед за ним пришёл запах чего-то горького и древнего, незнакомого памяти, но отчего-то узнаваемого телом. Потом под ногами снова оказался камень и Лиара услышала море. Не Морок, который бился о набережные Светограда, плескался под сваями причалов и шумел за окнами портовых трактиров, а совершенно другую воду, тяжёлую, огромную и бесконечную. Она двигалась где-то совсем рядом, хотя во-

круг тянулся узкий каменный проход. Невидимые волны перекатывались во тьме и разбивались о несуществующие берега, а под их гулом бился второй звук, размеренный и глубокий, слишком правильный для воды. Словно сердце.

Лиара пошла к слабому сероватому свечению впереди, но через несколько шагов под сапогом что-то сухо хрустнуло. Она остановилась, присела и обнаружила на камне маленькую человеческую кость, фалангу пальца, вымытую почти добела. Несколько секунд она рассматривала находку, после чего поднялась.

— Чудесный район. Надо будет посмотреть цены на жильё, — нервно хохотнула она. Однако собственный голос прозвучал непривычно глухо и тут же растворился в темноте.

Проход постепенно расширился и вывел её в помещение, которое не могло находиться ни внутри дома номер семнадцать, ни, пожалуй, вообще под той частью Светограда, которую наносили на городские карты. Высокий каменный свод терялся во тьме, стены покрывали барельефы, настолько изъеденные водой, что от изображённых фигур сохранились лишь очертания, а пол скрывал тонкий слой чёрной воды, ледяной холод которой почти сразу пробрался сквозь кожу сапог. Откуда-то сверху падали редкие капли, и каждая расходилась по поверхности идеальными кругами, исчезающими у стен.

В центре помещения стояло кресло. Именно кресло, а не

алтарь или трон, что выглядело бы здесь почти естественно. Обыкновенное деревянное кресло с высокой спинкой, слишком бытовое и узнаваемое для древнего каменного пространства, если бы не широкие кожаные ремни на подлокотниках и ещё один, предназначенный удерживать грудь сидящего.

Лиара приблизилась и заметила возле ножки слабый металлический блеск. Она наклонилась, достала платок, подняла предмет через ткань и стёрла влажный налёт. С одной стороны проступил герб Союза Девяти. На другой было выбито имя: **Э. ВЕЙР.**

До этого момента холод принадлежал помещению, но теперь он стал личным. Лиара перевернула жетон, хотя надпись от этого измениться не могла, завернула в платок находку и спрятала во внутренний карман пальто. На подлокотнике кресла темнели бурые пятна, настолько глубоко въевшиеся в древесину, что вода не смогла их смыть.

Эльмар Вейр действительно был здесь. Вопрос заключался лишь в том, пришёл ли он сюда сам.

Лиара выпрямилась и тогда заметила стену за креслом. На камне были выцарапаны имена, не несколько и даже не десятков, а множество, расположенное неровными рядами, словно разные люди оставляли их в разное время и разными инструментами. Некоторые почти исчезли под белёсым соляным налётом, другие читались отчётливо, а возле нескольких свежих борозд ещё сохранялась светлая каменная крошка.

Первое знакомое имя она нашла почти сразу:

ЭЛЬМАР ВЕЙР.

Ниже стояла фамилия лекаря из её списка, затем учитель, портовый служащий, вдова торговца, мальчишка-подмастерье. Один за другим Лиара узнала всех девятерых пропавших двуприродных, а вместе с Вейром их становилось десять. Только список на этом не заканчивался. Она медленно провела взглядом по стене, считая строки, и где-то после тридцати перестала. Часть имён уже скрылась под солью, другие были настолько старыми, что отдельные буквы приходилось угадывать, а значит, история началась не месяц назад и даже не год назад.

Лиара нашла не начало расследования. Она опоздала к нему на годы. И только после этого заметила последнюю надпись. Мозг прочитал её сразу, но смысл почему-то пришёл несколькими секундами позже, словно сознание проявило редкое милосердие и решило дать хозяйке короткую отсрочку. Буквы были вырезаны глубоко. Совсем недавно.

ЛИАРА ВЕЛЬСКАЯ.

Она не пошевелилась, потому что журналистская часть сознания уже яростно перебирала объяснения. Кто-то знал о расследовании. Кто-то знал, что Марек даст ей адрес. Кто-то ожидал её здесь. Кто-то вырезал имя заранее или... Лиара оборвала мысль. Последнее «или» ей определенно не нравилось.

Она наклонилась ближе, не касаясь борозд. Каменная

крошка у букв выглядела свежей, края оставались острыми, и от этого простого материального доказательства собственное имя на стене стало гораздо неприятнее любой мистики.

Вода под ногами дрогнула. От дальней стены к ней побегали концентрические волны, хотя ни одна капля не упала с потолка. Затем в темноте что-то плеснуло.

Вторая природа внутри Лиары мгновенно напряглась, заставляя тело искать высоту, пространство, путь, любое направление, которое не позволит оказаться загнанной, однако помещение словно отвечало на каждую мысль раньше неё самой: слева пространство перестало ощущаться проходом, справа сжалось, а дорога, по которой она пришла, исчезла из восприятия совершенно.

Лиара обернулась. Вместо прохода была сплошная каменная стена. Она смотрела на неё несколько секунд.

— Сука, — выругалась девушка. Впереди снова плеснула вода и из чёрной поверхности медленно поднялась человеческая рука.

Лиара не сразу поняла, что именно в увиденном неправильно, а когда поняла, стало значительно хуже. Воды здесь было едва по щиколотку, однако рука появилась так, словно человек всплывал с многометровой глубины. Бледные пальцы сомкнулись на подлокотнике кресла, следом показалась вторая ладонь, затем мокрые волосы, серый лоб и наконец лицо мужчины, фотографию которого Лиара последние несколько часов рассматривала чаще, чем лица большинства

живых знакомых.

Эльмар Вейр медленно выпрямился. По его одежде стекала вода, которой здесь не могло быть, а его глаза оставались закрытыми.

Лиара отступила на полшага, удерживая его в поле зрения, и почувствовала странную перемену внутри. Ещё мгновение назад её Лик требовал движения, искал путь, заставлял мышцы готовиться к рывку, а теперь внезапно затих. Это напугало её значительно сильнее.

Вейр открыл глаза. Белков не было, радужек тоже, только влажная чернота, похожая на поверхность Морока в безлунную ночь. Его голова чуть склонилась набок, словно он прислушивался к чему-то, чего Лиара не могла услышать, затем мёртвые губы дрогнули.

— Барс, — слово прозвучало хрипло, будто его протащили через лёгкие, полные воды.

Несколько секунд Лиара просто смотрела на него. Барсов она, разумеется, знала по старым изображениям и северным сказаниям. Редкие горные звери, почти исчезнувшие ещё до Излома, которые в древних историях появлялись там, где людям полагалось заблудиться и умереть. Но к ней это слово не имело никакого отношения. В Реестре напротив её имени с детства стояло другое.

Рысь.

И всё же в тот миг, когда мертвец произнёс «Барс», вторая природа внутри Лиары замерла так, словно услышала соб-

ственное имя. Вот это ей не понравилось совсем.

— Вы ошиблись адресом, — тихо сказала она.

Вейр улыбнулся. Из уголка его рта потекла густая чёрная вода. — Наконец-то.

Лиара медленно перенесла вес на заднюю ногу, готовясь хотя бы проверить, насколько покойный государственный служащий восприимчив к грубой физической аргументации, когда за её спиной раздался знакомый голос:

— Я же сказал не приходить после заката.

Она резко обернулась. Там, где ещё мгновение назад находилась сплошная каменная стена, стоял Марек Таль. Форменной шинели на нём не было, рукава чёрной рубашки были закатаны до локтей, открывая предплечья и несколько старых светлых шрамов, а в правой руке он держал короткий клинок из тёмного металла, почти не отражавшего свет. Вода вокруг тяжёлых сапог расходилась ровными кругами, хотя сам Марек не двигался, и больше всего Лиаре не понравилось вовсе не его неожиданное появление. Он не выглядел удивлённым.

Она перевела взгляд на Вейра, затем снова на Марека.

— Во-первых, когда я вошла в дом, солнце ещё не село, — произнесла Лиара, потому что некоторые принципиальные вопросы следовало прояснять даже в присутствии разговаривающего покойника.

Марек посмотрел на неё так, словно до этого момента ещё сохранял слабую надежду, что непосредственная угроза жиз-

ни способна пробудить в ней здравый смысл.

— Вельская.

— Это существенно. Формально я выполнила ваше условие.

— Ко мне.

Всего два слова, но что-то в его голосе изменилось настолько резко, что Лиара впервые за весь вечер почти подчинилась без спора. Почти, потому что привычка сопротивляться приказам оказалась крепче даже инстинкта самосохранения.

— А во-вторых, — продолжила она, медленно двигаясь к нему, — формулировка «не приходите после заката» лишена убедительной аргументации. Можно было сказать: «Вельская, там мёртвый чиновник вылезает из пола». Это значительно информативнее.

— Лиара.

Впервые он назвал её по имени. Не госпожой Вельской, не просто Вельской, а Лиарой, и в голосе не было ни раздражения, ни прежней сухой насмешки. Только напряжение.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы, оказывается, умеете просить.

— Я не прошу.

— Жаль. На секунду мне понравилось.

Что-то мелькнуло в его глазах, слишком быстрое для улыбки и слишком живое для раздражения, однако рассмотреть это Лиара не успела. За её спиной Вейр открыл рот.

Крик, вырвавшийся из него, не имел ничего общего с человеческим голосом. Он оказался настолько низким и сильным, что Лиара сначала почувствовала его телом, а уже потом услышала, как каменный свод задрожал, по стенам посыпалась соляная крошка, вода вокруг кресла взметнулась вверх и за несколько мгновений поднялась от щиколоток почти до колен.

Марек оказался рядом раньше, чем она успела увидеть, как он преодолел разделявшее их расстояние. Его пальцы сомкнулись на её запястье жёстко и без предупреждения, потянув к себе, и Лиара едва удержалась на ногах.

— Осторожнее, — сказала она, почти врезавшись в него плечом. — Мы знакомы меньше суток.

— Именно поэтому я ещё стараюсь быть вежливым.

Она подняла голову. Марек произнёс это совершенно серьёзно, не сводя взгляда с Вейра. Лиара невольно усмехнулась.

— Таль, вы сейчас флиртуете?

— Нет.

— Жаль.

— Вельская, если мы отсюда выйдем, можете продолжить расследование этого вопроса.

На этот раз она действительно замолчала. Не потому, что приказ подействовал, а потому, что ответ оказался неожиданно хорош. Хотя обстановка не особо располагала на романтический настой. Тем более Марек даже не посмотрел на

неё, и именно это делало ситуацию значительно хуже.

— Осторожнее с обещаниями, — произнесла она наконец. — Я профессионально докапываюсь до истины.

— Я заметил.

Вода рванула выше. Вторая природа Лиары метнулась внутри, однако направление этого движения оказалось неожиданным. Не от Марека. К нему.

Лиара вздрогнула и впервые за несколько секунд посмотрела не на Вейра, а на руку, сжимавшую её запястье. Прикосновение почему-то усиливало странное восприятие, возникшее ещё возле чёрной двери. Сквозь гул воды, камень и холод она почувствовала рядом другое присутствие. Чужое. Глубокое. Настолько большое, что попытка представить его форму вызывала почти физический дискомфорт. Оно двигалось где-то там, куда человеческий взгляд не мог проникнуть, быстро и бесшумно, а затем словно повернулось в её сторону.

Лиара перестала дышать. Она не знала, что именно почувствовала, но Марек Таль понял её реакцию. Он резко повернул голову, и их взгляды встретились. На одно короткое мгновение привычная неподвижность его лица дала трещину. Лиара не успела определить, что именно увидела, удивление, тревогу или узнавание, потому что почти сразу выражение исчезло. Его пальцы на её запястье сжались крепче.

— Что вы... — начала она.

— Потом.

— Это становится вашей любимой формулировкой.

— Если переживёте следующие тридцать секунд, разрешу составить список претензий.

Лиара приподняла бровь.

— Письменно?

— В трёх экземплярах.

Она успела улыбнуться, а затем вода ударила им в грудь. Марек рванул Лиару к себе, свободной рукой пытаясь удержаться за выступ в камне, и на одно короткое мгновение она оказалась прижата к нему настолько тесно, что почувствовала сквозь мокрую ткань тепло его тела, движение мышц и резкий вдох возле собственного виска. В любых других обстоятельствах она обязательно нашла бы способ это прокомментировать, но обстоятельства не дали. Каменный пол исчез из-под ног, чёрная вода поднялась стеной, а пространство вокруг них словно вывернулось наизнанку. Внутреннее чувство направления, на которое Лиара привыкла полагаться больше, чем на карты, впервые в жизни не просто ошиблось, а исчезло полностью. Последним осталось прикосновение. Пальцы Марек на её запястье. Он не отпустил. И мир провалился в глубину.

Глава 3. Человек, которого здесь нет

Первым вернулся холод. Он проникал под одежду медленно и обстоятельно, будто располагал всем временем мира, забирался под ворот рубашки, стекал вдоль позвоночника и собирался между лопатками мелкой противной дрожью. Следом пришли запахи: соль, мокрый камень, железо и резкая горечь какого-то лекарственного настоя, достаточно мерзкого, чтобы Лиара ещё до того, как открыла глаза, пришла к двум вполне обнадёживающим выводам. Во-первых, она не умерла. Во-вторых, если загробная жизнь всё-таки существовала, там совершенно точно сэкономили на гостеприимстве.

Она лежала на чём-то твёрдом, накрытая грубым шерстяным одеялом, и некоторое время позволяла сознанию собирать себя по частям, не вмешиваясь в этот неприятный процесс. Голова болела тупо и глубоко, во рту стоял металлический привкус, левое плечо ныло, а мокрая одежда липла к коже с той особенной мерзостью, которая превращает даже простое движение в маленькое бытовое наказание. Ни одна из этих подробностей, впрочем, не выглядела смертельной, что после вчерашнего уже можно было считать удачным завершением вечера.

Последним отчётливым воспоминанием оставалась вода. Она ударила в грудь с такой силой, что выбила воздух, а затем мир провалился не вниз, как полагалось бы всякому приличному миру, а куда-то в сторону, где привычные понятия высоты и глубины внезапно перестали что-либо значить. Перед этим Марек держал её за запястье, Вейр кричал голосом, которого у мёртвого человека быть не должно, а внутри самого Марека она на одно невозможное мгновение почувствовала нечто огромное, тёмное и стремительное.

Лиара открыла глаза. Над ней висел низкий каменный свод, покрытый известковыми потёками. Две электрические лампы за металлическими решётками давали тусклый желтоватый свет, по трубам под потолком время от времени проходила слабая вибрация, и всё помещение напоминало одновременно служебный подвал, старый военный лазарет и место, где человеку обычно предлагают ничего не трогать, после чего выясняется, что трогать уже поздно.

— Если собираетесь снова куда-нибудь пойти, предупреждаю сразу: дверь заперта.

Голос раздался справа, и Лиара медленно повернула голову. Марек сидел у стены на металлическом стуле, слегка откинувшись назад и скрестив руки на груди. Чёрная рубашка высохла лишь наполовину и местами прилипала к телу, рукава по-прежнему были закатаны до локтей, влажные волосы лежали чуть менее аккуратно, чем позволял себе вчерашний советник Управления Глубины, а на правой скуле темнела

свежая ссадина. В совокупности всё это делало его вид значительно менее официальным и, к некоторому раздражению Лиары, заметно более интересным.

Она перевела взгляд на дверь, потом обратно на него.

— Заперта с какой стороны?

Марек некоторое время смотрел на неё, словно именно этого вопроса и ожидал, а потом чуть качнул головой.

— Доброе утро.

Лиара медленно приподнялась на локтях, прислушалась к собственному телу и нахмурилась, потому что ни один внутренний орган пока не выразил желания немедленно покинуть своё законное место.

— Уже утро? — спросила она и, заметив почти незаметную паузу, добавила: — Какое?

Вот теперь Марек посмотрел внимательнее.

— Двадцать четвёртое.

Комната слегка качнулась, когда Лиара села, поэтому пришлось упереться ладонью в край кушетки и несколько секунд изображать человека, который просто задумался. Марек не предложил помощь и даже не изменил позы, хотя наверняка заметил головокружение, и за эту маленькую деликатность она мысленно прибавила ему полбалла.

— Который час?

— Почти одиннадцать.

В дом номер семнадцать она вошла около семи вечера, следовательно, между последним нормальным воспомина-

нием и нынешним моментом куда-то исчезла почти половина суток.

— Шестнадцать часов? — переспросила Лиара, уже не отрывая от него взгляда. — Я была без сознания шестнадцать часов?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Она приподняла бровь.

— Вот это уже интереснее.

— Я предполагал, что вы так скажете.

— И сколько?

— Что именно? — спросил Марек Таль.

Лиара посмотрела на него с почти искренним разочарованием.

— Не надо, Таль. Я обнаружила несуществующий этаж в заброшенном доме, затем прошла сквозь стену, нашла кресло с ремнями и список пропавших, увидела собственное имя, после чего встретила мёртвого чиновника, который почему-то разговаривает. Потом помещение затопило водой, хотя воды там было по щиколотку, а вы появились из стены с ножом. На фоне перечисленного попытка выиграть время уточняющим вопросом выглядит несколько лениво.

Уголок его рта дрогнул, но улыбкой это ещё не стало.

— Рад, что удар головой не повредил вашу способность говорить.

— Я тоже. Я долго её развивала.

Марек разжал руки, поднялся и направился к небольшому столу в углу, где стоял металлический кувшин. Только теперь Лиара заметила, что он слегка бережёт левую ногу. Движение было почти незаметным и наверняка осталось бы таковым для человека, который не зарабатывал на жизнь наблюдением за тем, что другие предпочитали скрывать.

Он налил воду в стакан и протянул ей. Лиара приняла его, машинально понюхала и только после этого заметила выражение его лица.

— Серьёзно? — спросил Марек.

— Проверяю.

— На яд?

— На воду.

На этот раз усмешка всё-таки появилась, короткая и неожиданно человеческая.

— Это вода.

— После вчерашнего мне кажется, что определение недостаточно точное.

Она сделала осторожный глоток. Вода оказалась самой обыкновенной, чуть тёплой и с металлическим привкусом старых труб, и эта банальность почему-то успокоила сильнее, чем могла бы любая речь о безопасности.

Марек тем временем придвинул стул ближе и сел напротив, уперев локти в колени.

— По вашим ощущениям, сколько времени прошло между тем, как поднялась вода, и тем, как вы очнулись здесь? —

спросил он.

Лиара задержала стакан возле губ. Вопрос был сформулирован слишком точно, чтобы быть праздным, поэтому шутить она не стала.

— Минут десять, может быть, пятнадцать. После удара водой я какое-то время оставалась в сознании, помню движение, камень под рукой и вас. Кажется, вы меня куда-то тащили.

— Что именно вы помните обо мне?

Она посмотрела на него поверх стакана.

— Если вам требуется комплимент, можно было выбрать менее сложную процедуру.

— Вельская.

— Хорошо. Вы держали меня, потом вода потащила нас куда-то вниз, хотя это было не вниз. Пространство словно повернулось, а тело продолжало считать, что находится там же. Вы что-то сказали, я не расслышала, потом стало очень холодно. Дальше обрывками: камень, вода, ваша рука.

Она замолчала, потому что следующее воспоминание уже не укладывалось в столь безопасный перечень. Давление его пальцев на запястье, мгновенный рывок рыси навстречу чему-то скрытому внутри Марека, а затем чужой отклик, огромный и стремительный, будто в бездонной воде развернулось массивное тело и впервые посмотрело прямо на неё.

Лиара сделала ещё один глоток.

— Больше ничего существенного.

Марек не переспросил, однако взгляд задержался на её лице достаточно долго, чтобы стало ясно, что ложь он заметил и зачем-то решил оставить ей.

— Теперь ваша очередь, — сказала Лиара, возвращая стакан на колено. — Сколько прошло на самом деле?

— Между затоплением камеры и нашим выходом оттуда, по моим часам, тридцать семь минут.

— Тогда откуда взялись остальные шестнадцать часов?

Марек слегка потёр большим пальцем костяшку указательного, и этот почти незаметный жест насторожил её больше, чем если бы он начал драматически хмуриться.

— Мы вышли не в семь вечера.

— А когда?

— В девять сорок две.

Лиара быстро посчитала.

— То есть внутри прошло тридцать семь минут, а снаружи почти три часа?

— Да.

Она несколько секунд переваривала ответ, затем задумчиво кивнула.

— Очень удобное место для заседаний Палаты. Можно принять бюджет, пока оппозиция не успела закончить первую речь.

Марек не улыбнулся, и это окончательно убедило её, что смешного в происходящем значительно меньше, чем хотелось бы.

— Такое бывает часто? — спросила она.

— Нет.

— Иногда?

Он помедлил.

— Бывает.

— Где?

— В Мороке.

Лиара медленно поставила стакан на пол.

— Мы были под домом.

— Нет.

— Тогда где?

На этот раз пауза затянулась. Марек отвёл взгляд к стене, словно надеялся найти там формулировку, достаточно точную и одновременно ничего ей не сообщающую.

— Если бы я мог ответить на этот вопрос одним названием места, моя работа была бы значительно проще.

— Попробуйте несколькими.

— Не сейчас.

Лиара устало провела ладонью по лицу.

— Вы удивительно последовательный человек. Умудряетесь сообщать ровно столько информации, чтобы после каждого ответа у меня появлялось ещё пять вопросов.

— Профессиональное.

— У нас с вами одна профессия?

— Нет, — Марек чуть откинулся на спинку стула, и в его голос вернулась прежняя сухость. — Именно поэтому вы за-

даёте вопросы, а я решаю, на какие отвечать.

— Какая очаровательная государственная модель.

— Она перестаёт казаться очаровательной, когда ответ способен убить человека.

Лиара несколько мгновений смотрела на него, прислушиваясь одновременно к далёкому гулу труб и к собственному раздражению, которое постепенно вытесняло остатки слабости.

— Людей обычно убивает не информация, Таль. Их убивают другие люди, а информация всего лишь портит им алиби.

Он ничего не ответил, и в наступившей тишине Лиара вдруг окончательно поняла, чего ей не хватало с момента пробуждения. Города. За стенами не гремели экипажи, не кричали торговцы, не гудел порт, даже ветер, вечный спутник Светограда, сюда не проникал.

— Мы под землёй, — произнесла она скорее как вывод, чем как вопрос.

— Да.

— Под Управлением?

— Нет.

— Под Светоградом?

Марек задержал взгляд на ней чуть дольше необходимого.

— Технически.

Лиара поморщилась.

— Ненавижу слово «технически».

— Я заметил.

Она спустила ноги с кушетки, и ледяной пол мгновенно отозвался холодом через подошвы. Колени предательски ослабли, поэтому пришлось несколько секунд посидеть неподвижно, рассматривая комнату с таким видом, будто именно в этот момент её чрезвычайно заинтересовала кладка противоположной стены. Марек снова ничего не сказал, хотя Лиара была почти уверена, что от него не укрылось ни одно движение.

— Где мои вещи?

Он кивнул в сторону металлического шкафа. Пальто висело на дверце, блокнот лежал на столе рядом с карандашом, а сумка стояла на полу, и после быстрой проверки выяснилось, что на месте остались деньги, документы и даже складной нож, который Сева несколько лет назад заставила её носить после особенно неудачного расследования.

— Вы ничего не забрали? — спросила Лиара, перебирая содержимое сумки.

— Я похож на человека, который стал бы рыться в ваших вещах?

Она медленно осмотрела его от влажных волос до тяжёлых ботинок.

— Вы похожи на человека, который поручил бы это подчинённому.

Марек тихо выдохнул через нос.

— Всё на месте.

Лиара уже собиралась надеть пальто, когда вспомнила о внутреннем кармане. Она сунула туда руку, нащупала свёрнутую ткань и замерла. Марек тоже.

Очень медленно Лиара достала платок и развернула его на ладони. Серебристый жетон лежал внутри, мокрый по краям, хотя пальто успело почти высохнуть; герб Союза Девяти потемнел, зато буквы на обороте читались совершенно отчётливо.

Э. ВЕЙР.

Марек поднялся так быстро, что ножка стула скребнула по камню. Его спокойствие не исчезло, но стало другим: жёстким, собранным, словно внутри него одновременно захлопнулось несколько дверей.

— Где вы это взяли?

— Возле кресла.

— Вы его трогали?

Лиара посмотрела на платок, потом на него.

— Нет, Таль. Он сам запрыгнул мне в карман.

— Голыми руками?

— Через ткань.

Марек протянул ладонь.

— Дайте.

Лиара прижала жетон к груди и только после этого поняла, насколько знакомым оказался жест.

— Даже не мечтайте. Забавно, кажется, вчера мы уже это проходили.

— Вчера речь шла о блокноте, — напомнил он, не убирая руки.

— Сегодня ставки выросли.

— Эта вещь могла находиться в контакте с Мороком.

— Как и я.

— Именно.

— Меня тоже собираетесь конфисковать?

— Если понадобится.

Ответ прозвучал совершенно ровно, но взгляд Марека невольно скользнул по ней, задержавшись чуть дольше, чем требовал медицинский интерес.

Лиара приподняла бровь.

— Наконец-то в нашей беседе появилась хоть какая-то перспектива.

Пауза длилась не больше секунды, однако Лиара успела насладиться ею целиком. Затем Марек медленно опустил руку и посмотрел на неё с тем выражением, которое уже начинало казаться его официальной реакцией на существование Лиары Вельской.

— Вы неисправимы.

— Не вижу проблемы. Вы производите впечатление человека, которому нравится сложная работа.

— Не всякая сложная работа стоит затраченных усилий.

Фраза была произнесена негромко, почти лениво, но что-то в его интонации заставило Лиару задержать улыбку.

— А я?

Вопрос выскользнул прежде, чем она решила, насколько далеко собирается вести эту игру. Марек не ответил сразу. Его взгляд задержался на её лице, затем на одно короткое, совершенно неприлично заметное мгновение опустился к губам. Лиара это увидела. Конечно, увидела.

— Пока собираю данные, — сказал он наконец.

Она усмехнулась, хотя собственная реакция ей не понравилась. Внезапно стало слишком тепло для подземного помещения, в котором несколько минут назад она мёрзла под одеялом.

— Осторожнее, Таль. Это уже моя территория.

— Именно поэтому я не тороплюсь с выводами.

Вот теперь пришлось отвести взгляд ей. Всего на мгновение. И это было возмутительно.

— Жетон всё равно не отдам, — сказала Лиара, решив вернуться на территорию, где чувствовала себя увереннее. — Можете попросить вежливее, если хотите.

— Это поможет?

— Нет. Но мне будет приятно.

Марек покачал головой и снова сел.

— Оставьте его себе до выхода отсюда, если вам так спокойнее. Потом его необходимо исследовать в Управлении.

— Совместно.

— В Управлении.

— Совместно.

— Нет.

Лиара аккуратно завернула жетон обратно.

— Тогда он потеряется.

— Вы сейчас угрожаете уничтожить улику?

— Я журналист. Мы называем это защитой источника.

— Источник мёртв.

— Судя по-вчерашнему, это дискуссионный вопрос.

Вот теперь лицо Марека стало серьёзным настолько быстро, что Лиара перестала улыбаться прежде, чем он заговорил.

— Вейр мёртв, — сказал он, слегка подавшись вперёд. —

То, что вы видели вчера, не было Эльмаром Вейром.

Лиара медленно положила свёрток на колено.

— Я прекрасно видела его лицо.

— Я не говорю, что оно не выглядело как Вейр. Я говорю, что это не могло быть его телом. Он умер восемь дней назад, находился в городском морге до позавчерашнего утра, после чего был передан семье.

— Значит, вчера со мной разговаривало что-то, умеющее выглядеть как покойник.

— Вероятно.

— И это вас почему-то успокаивает больше, чем вариант с воскресшим чиновником?

Марек чуть нахмурился.

— Ни один из вариантов меня не успокаивает.

— Прекрасно. Наконец-то у нас появилась общая позиция.

Лиара провела большим пальцем по краю платка, возвращаясь мыслями к каменной комнате, чёрным глазам Вейра и воде, вытекавшей из его рта. Слово, произнесённое им, всё это время сидело в памяти занозой, и теперь, когда непосредственной угрозы не было, раздражало ещё сильнее.

— Барс, — сказала она.

Марек не переспросил и именно поэтому Лиара подняла голову.

— Вы знаете, что это значит.

— Я знаю слово.

— Поздравляю, я тоже. Большая северная кошка, горы, снег, дурной характер и крайне низкая склонность к сотрудничеству с государственными учреждениями. В последнем начинаю видеть семейное сходство.

Марек едва заметно нахмурился.

— Правильнее будет Ирбис. В старых документах чаще использовалось это название.

Что-то внутри Лиары шевельнулось на самом краю восприятия, едва заметно, словно услышало знакомый звук.

— Почему Вейр назвал меня Барсом?

— Не знаю.

— Опять?

— Привыкайте.

— Не хочу.

— Это взаимно.

Лиара прищурилась, и теперь уже Марек понял собствен-

ную ошибку на полсекунды раньше, чем она успела ею воспользоваться.

— К чему именно вы не хотите привыкать, Таль?

Он выдержал паузу.

— К вашему присутствию там, где вас быть не должно.

— Тогда у вас впереди очень тяжёлая жизнь.

— Уже заметил.

Она собиралась ответить, но взгляд Марека внезапно переместился ниже, к её правой руке. Изменение было настолько резким, что Лиара автоматически посмотрела туда же и увидела у основания большого пальца тонкую белёсую полоску. Сначала она решила, что кожа просто пересохла после воды, однако линия была слишком правильной и тянулась поперёк ладони плавным изгибом, напоминающим след соли на берегу после отлива.

Лиара потёрла её большим пальцем.

— Не трогайте.

Резкость в голосе заставила её остановиться. Марек уже стоял.

— Почему?

— Покажите руку.

Лиара подняла взгляд на его протянутую ладонь и не удержалась:

— Вы сегодня удивительно тактильны.

— Лиара.

Её имя прозвучало совсем иначе, без фамилии, без сухо-

го раздражения и без той едва заметной игры, которая ещё минуту назад делала разговор значительно приятнее. Только тревога. Настоящая.

Лиара протянула руку. Марек обхватил её за запястье осторожнее, чем ночью, развернул ладонью вверх и наклонился к белой линии.

Его пальцы оказались неожиданно тёплыми на её холодной коже, и Лиара с некоторым внутренним раздражением отметила, что мир обладает совершенно неприличным чувством юмора. Стоило наконец добиться от мужчины добровольного физического контакта, как поводом стала неизвестная магическая дрянь.

— Если хотели подержаться за руки, — сказала она, наблюдая за его лицом, — можно было просто попросить.

— Помолчите.

— А вот это уже слишком интимное требование для второго дня знакомства.

Марек поднял глаза и ничего не сказал. Лиара замолчала сама, потому что впервые увидела его испуганным. Не настолько, чтобы дрогнули пальцы или изменилось дыхание, но достаточно, чтобы привычная неподвижность лица перестала казаться естественной. Его рука сжалась вокруг её запястья чуть крепче, а взгляд стал таким, каким смотрят на знакомый симптом болезни, которую однажды уже видели и очень надеялись больше никогда не встретить.

— Что это? — спросила Лиара уже без шутки.

Марек провёл большим пальцем рядом с белой линией, не касаясь её.

— След перехода. Обычно он исчезает через несколько минут.

Лиара посмотрела на собственную ладонь.

— А у меня прошло больше тринадцати часов.

— Да.

— Это плохо?

Он наконец отпустил её руку, хотя сделал это с небольшой задержкой, которую в другой ситуации Лиара непременно использовала бы против него.

— Я пока не знаю.

Она устало вздохнула.

— Вы сегодня просто кладёшь успокаивающей информации.

Марек подошёл к двери и дважды постучал по металлу, после короткой паузы добавив третий удар. Где-то снаружи почти сразу щёлкнул замок, и Лиара, наблюдая за этим маленьким ритуалом, окончательно убедилась, что находилась не в обычном медицинском помещении.

— За вами приедут из «Гласа», — сказал он, пока она натягивала пальто.

Лиара застыла с рукой в рукаве.

— Вы сообщили в редакцию?

— Ещё ночью.

— Кому именно?

— Вашему главреду Северине Корш, — по тому, как спокойно Марек произнёс имя, было понятно, что знакомство уже состоялось и, вероятно, оставило впечатление. — Я сообщил, что вы живы и временно находитесь у нас. В ответ госпожа Корш довольно подробно объяснила, что произойдёт с моей карьерой, репутацией и некоторыми частями тела, если к утру это обстоятельство изменится.

Лиара медленно застегнула пальто.

— Да. Это Сева.

— Я догадался. Часть выражений я раньше не слышал.

— Значит, вы ей понравились, — констатировала Лиара.

Марек посмотрел на неё долгим взглядом.

— Теперь я начинаю понимать, почему вы работаете вместе.

Дверь открылась в узкий каменный коридор, освещённый такими же жёлтыми лампами. Откуда-то из глубины доносился монотонный гул воды, настолько низкий, что звук скорее ощущался ступнями, чем ушами, и Лиара невольно задержалась на пороге, пытаясь определить направление.

— Куда мы идём?

— Вы никуда не идёте, — ответил Марек и, заметив её выражение, добавил раньше, чем она успела возмутиться. — Сегодня вы возвращаетесь в редакцию, не пытаетесь снова попасть в дом номер семнадцать и ничего не публикуете до нашего следующего разговора.

Лиара медленно повернулась к нему.

— Это приказ? — поинтересовалась Лиара тоном, после которого обычно начинается что-то наподобие легкого скандала.

— Да.

— Тогда нет.

— Я ещё не закончил.

— А я уже ответила.

Марек провёл ладонью по лицу, и впервые Лиара увидела в нём не государственного советника, а просто уставшего мужчину, которому за последние сутки досталось несколько проблем, причём одна из них сейчас стояла перед ним в мокрых сапогах и явно не собиралась облегчать ему жизнь.

— Вы всегда настолько невыносимы?

Лиара задумалась с совершенно серьёзным видом.

— Нет. Иногда я сплю.

Марек опустил руку.

— Дом номер семнадцать официально не существует.

Улыбка исчезла сама.

— Что?

— Его снесли одиннадцать лет назад.

Лиара некоторое время молчала, вспоминая мокрый кирпич, ступени, каменные лица над окнами, детский башмак возле лестницы и холодное стекло четвёртого этажа, к которому она прижимала ладонь. Дом был настоящим настолько, насколько вообще может быть настоящей вещь, которую можно увидеть, понюхать и потрогать.

— Я его видела.

— Я тоже.

— Значит, запись о сносе поддельная.

Марек ничего не ответил. Лиара всмотрелась в его лицо и медленно покачала головой: — Вы сами в это не верите.

Он снова промолчал, и это оказалось красноречивее любого ответа. Лиара достала блокнот, но открывать не стала, просто постучала им по ладони, раскладывая факты уже вслух:

— Десять пропавших. Мёртвый Вейр. Поддельные записи Реестра. Дом, которого нет. Комната, которой тоже не должно существовать. Моё имя на стене и неизвестно что, использующее лицо покойника, — она подняла правую руку и посмотрела на белую линию. — И теперь это. Вы всё ещё хотите, чтобы я ничего не публиковала?

— Да.

— Тогда вам придётся предложить мне что-нибудь получше приказа.

— Например?

Лиара закрыла блокнот и посмотрела ему прямо в глаза.

— Правду.

На лице Марек снова появилась та неподвижность, которая уже начинала раздражать её почти профессионально, однако теперь Лиара знала, что под ней всё-таки происходило значительно больше, чем он позволял увидеть.

— У меня её недостаточно, — сказал он наконец.

— Тогда собирайте быстрее.

Она прошла мимо него в коридор, но через несколько шагов остановилась и обернулась.

— И ещё, Таль. В следующий раз, когда будете запрещать мне куда-то приходиться, объясняйте последствия.

— Чтобы вы не пришли?

— Нет. Чтобы я правильно оделась. Если бы вы сразу сказали, что планируются затопленный склеп, покойник и ночное купание, я хотя бы не надела лучшие сапоги.

Марек несколько секунд смотрел на неё совершенно серьёзно, а потом всё-таки рассмеялся. Не вежливо усмехнулся и не выдохнул через нос, как делал прежде, а действительно рассмеялся, пусть тихо и всего на пару секунд, словно организм совершил это без согласования с хозяином. Лиара удовлетворённо повернулась и пошла дальше.

— Вельская.

Она обернулась через плечо. Марек уже снова выглядел почти так же, как в Управлении при их первой встрече, только влажные волосы и расстёгнутый ворот рубашки несколько портили впечатление неприступного государственного служащего.

— Следующий раз может закончиться хуже.

Лиара остановилась. Шутка возникла мгновенно, лёгкая, непристойная и чрезвычайно удобная, потому что позволяла не думать ни о собственном имени на каменной стене, ни о соли, въевшейся в кожу, ни о выражении лица Марека, когда

он увидел этот след. Но на этот раз она оставила её при себе.

Где-то далеко под камнем ударила вода. Один глухой толчок прокатился по полу, затем второй, и Лиара почувствовала, как, до этого молчавшая, рысь медленно подняла голову. Третий удар оказался сильнее. Вместе с ним пришло странное ощущение узнавания, настолько древнее и чужое её человеческой памяти, что на несколько мгновений стало трудно дышать. Лиара посмотрела в темноту коридора. Вчера ей казалось, что нечто по ту сторону Морока ищет дорогу. Теперь она впервые подумала, что ошиблась. **Дорогу оно уже нашло.**

Глава 4. Десять фамилий

К полудню Светоград снова выглядел так, будто ничего не произошло, и Лиара в очередной раз подумала, что это, пожалуй, самое неприятное свойство больших городов: они обладают почти оскорбительной способностью переваривать чужие катастрофы, не меняя расписания.

По набережной шли люди с зонтами, у булочной напротив «Гласа» две женщины ругались из-за места в очереди, мальчишка-разносчик пробежал через лужу и получил вслед проклятие от господина в светлых брюках, а за мокрыми крышами Морок лежал ровной серой полосой, настолько спокойной, что трудно было поверить: несколько часов назад вода в комнате, которой не существовало, пыталась утащить Лиару неизвестно куда.

После подземного помещения обычный городской шум действовал почти терапевтически. Колёса экипажей грохотали по мостовой, от булочной тянуло тёплым хлебом и корицей, где-то неподалёку торговец рыбой орал так, будто пытался перекрычать сам Морок, и даже дождь казался правильным, потому что падал сверху вниз, не менял направления времени и пока не пытался заговорить с ней голосом мёртвого чиновника.

Редакция встретила Лиару знакомой смесью типографской краски, мокрой шерсти, дешёвой бумаги и кофе, кото-

рый Рен Ардель продолжал варить вопреки многочисленным свидетельствам того, что напиток давно перешёл из категории пищевых продуктов в разряд дисциплинарных взысканий. Сам Рен обнаружился возле общего стола с чашкой в одной руке и корректурой в другой. Увидев Лиару, он замер настолько резко, что несколько капель кофе выплеснулись на поля текста; взгляд быстро прошёлся по её лицу, одежде, рукам, задержался на синяке у виска и только после этого вернулся к глазам.

— Ты живая, — произнёс он наконец, и облегчение в его голосе было достаточно заметным, чтобы Рен немедленно попытался его испортить. Он посмотрел на чашку, словно именно там находилось продолжение мысли, и добавил уже привычным тоном. — Сева утверждала то же самое, но поскольку сведения поступили от Управления Глубины, я закладывал разумную статистическую погрешность.

Лиара сняла пальто, стараясь не морщиться, когда ткань потянула ушибленное плечо.

— Очень трогательно. Я тоже рада тебя видеть.

Рен поставил чашку на стол и подошёл ближе. Он ничего не спросил сразу, только прищурился, рассматривая её с тем неприятным профессиональным вниманием, которое Лиара обычно считала одним из лучших его качеств, пока объектом наблюдения не становилась сама.

— Ты держишь левое плечо выше правого.

— Решила немного изменить образ.

— А синяк?

Лиара машинально коснулась виска.

— Аксессуар.

Рен медленно вдохнул через нос. За восемь лет знакомства она научилась различать по этому движению как минимум четыре его состояния, и сейчас перед ней стоял не раздражённый коллега, а человек, который очень хотел сначала

убедиться, что с ней действительно всё в порядке, а потом уже решить, следует ли её обнять или придушить.

— Лиара, — начал он значительно тише, — вчера вечером ты ушла по адресу, который тебе дал человек из Управления. Ночью этот же человек позвонил Севе и сообщил, что ты жива, но домой не вернёшься. Сегодня ты появляешься с синяком и двигаешься так, будто тебя били об архитектуру. Поэтому я сейчас задам один вопрос, и ты постарайся не отвечать на него шуткой. Что произошло?

Лиара посмотрела через его плечо на редакцию. У окна молодой корреспондент спорил по телефону с пресс-службой порта, два выпускающих обсуждали заголовок, а из кабинета Севы доносился голос, которым главный редактор обычно объясняла чиновникам разницу между «комментарием» и «набором слов, составленным человеком, который очень надеется не сказать ничего».

— Переговорная, — сказала лишь одно слово Лиара.

Рен молча забрал со стола свою чашку.

— Кофе оставь.

Он посмотрел на неё почти оскорблённо.

— Я переживал за тебя всю ночь.

— Именно поэтому хочу, чтобы ты выжил.

Через минуту они сидели в тесной комнате со стеклянной стеной, которую в «Гласе» из уважения к собственным амбициям называли залом совещаний, хотя внутри с трудом помещались стол, четыре стула и шкаф с архивными под-

шивками. За стеклом продолжала жить редакция, но звуки превращались в приглушённый гул, и впервые после возвращения Лиара почувствовала себя достаточно отделённой от остальных, чтобы достать блокнот. Рен сел напротив, вытянул длинные ноги и приготовился слушать. Обычно молчание давалось ему примерно так же легко, как коту добровольное купание, однако сейчас он не перебивал даже тогда, когда Лиара начала рассказывать про лестницу, продолжавшуюся выше четвёртого этажа. Она говорила медленно, стараясь отделять увиденное от того, что додумала после. Дом. Пятый этаж. Коридор, не помещавшийся внутри здания. Чёрная дверь. Проход в стене. Каменная комната. Кресло с ремнями. Жетон Вейра. Когда она дошла до стены с именами, Рен перестал вертеть карандаш между пальцами.

— Все девять? — спросил он, но вопрос прозвучал не отдельной репликой, а почти продолжением её рассказа. Он уже потянулся к блокноту, хотя не коснулся его без разрешения.

Лиара развернула страницу к нему и постучала ногтем по верхней строчке.

— Все девять, Вейр и ещё несколько десятков, большую часть которых я не успела переписать. Некоторые имена выглядели старыми, почти стёртыми солью, другие были свежее. Последнее было совсем свежим.

Рен поднял глаза и по тому, как он перестал дышать на долю секунды, Лиара поняла, что продолжение он уже угадал.

— Моё.

За стеклянной стеной кто-то рассмеялся, прошёл корректор с пачкой листов, звякнула ложка о чашку. Обычные звуки редакции вдруг стали особенно отчётливыми. Рен медленно отложил карандаш.

— Хорошо, — произнёс он после паузы, хотя по его лицу было видно, что хорошего он не обнаружил вообще. — Я собирался спросить, зачем Таль отправил тебя в дом с комнатой для привязывания людей к креслу, но теперь у меня появился более занимательный вопрос: откуда тот, кто вырезал твоё имя, знал, что ты туда придёшь?

— Вот поэтому я решила начать не с Таля.

— Очень разумно. Особенно учитывая, что именно Таль дал тебе адрес.

Лиара посмотрела на него и Рен поднял обе ладони, заранее останавливая возражение.

— Я не говорю, что он тебя туда заманил. Я говорю, что если человек даёт тебе координаты места, где твоё имя уже высечено на стене, он автоматически становится интересным. Это, кажется, твоё любимое слово для подозреваемых.

— Он не подозреваемый.

— Пока.

Лиара ничего не ответила. Именно это ей и не нравилось. Она рассказала про Вейра последним. Про невозможную глубину в воде по щиколотку, чёрные глаза и слово, которое он произнёс, глядя прямо на неё.

Рен нахмурился.

— «Барс»?

Лиара кивнула и машинально потёрла пальцами белёсую линию у основания большого пальца, сразу вспомнив, как Марек запретил её трогать.

— Именно. Я уже успела проверить, что слух у меня нормальный, удар головой недостаточно сильный, чтобы выучить новые слова, а Вейр по-прежнему официально мёртв. Остальное пока в разработке.

— И Таль это видел?

— И видел Вейра, и слышал тоже.

— И что он сказал?

Лиара вспомнила подземную комнату, его пальцы на своём запястье и слишком спокойное: *то, что вы видели вчера, не было Эльмаром Вейром.*

— Что Вейр мёртв.

Рен некоторое время смотрел на неё, ожидая продолжения, а когда его не последовало, недоверчиво повёл бровью.

— Очень ценный комментарий. Хорошо, что государство содержит Управление Глубины. Сами мы до этого вывода точно не добрались бы.

— Он знает больше. Но либо недостаточно, либо не собирается рассказывать.

Рен задумчиво покрутил кольцо на мизинце, привычку, появлявшуюся у него только тогда, когда он действительно сосредотачивался.

— Какой вариант тебе нравится меньше?

Лиара закрыла блокнот.

— Второй. С первым можно работать.

Работать они начали с самого скучного. Лиара давно считала, что большинство хороших расследований строится именно так: несколько часов человек перебирает адреса, даты, старые выписки, чужие браки, увольнения и штрафы, проклинает профессию, собственную любознательность и изобретателя архивной системы, а затем среди сотни совершенно бесполезных фактов обнаруживает один, после которого вся картина поворачивается другой стороной.

К двум часам дня на доске в переговорной висели десять карточек. Десять фотографий. Десять фамилий. Эльмар Вейр оказался самым удобным: государственная служба оставляла за человеком длинный бумажный след, особенно если этот человек достиг третьего советнического ранга. Остальные сопротивлялись сильнее. Учительница Нейра Холт, лекарь Дан Рей, портовый служащий Тарен Лост, мастер навигационных приборов Роэн Сай, вдова торговца Элиза Мор, девятнадцатилетний подмастерье Арден Край и ещё трое, чьи жизни до исчезновения выглядели настолько обыкновенными, что именно эта обыкновенность постепенно начинала раздражать.

Лиара стояла перед доской, прижимая карандаш к нижней губе, пока Рен читал вслух очередную выписку. За несколь-

ко часов они успели исключить общую работу, район, школу, врача, банк, военную службу и большинство очевидных социальных связей.

— Они даже не пили в одних местах, — сообщил Рен, отбрасывая очередной лист. — Я проверил троих, которые регулярно бывали в трактирах. Разные районы, разные заведения, разное пиво. Если это заговор, организаторы совершенно не заботятся о корпоративной культуре.

— Возраст?

— От девятнадцати до шестидесяти двух.

— Происхождение?

Рен протянул ей таблицу, но Лиара уже знала ответ: Светоград, Белые Хребты, Звонкие острова, Земли Великой Реки, двое из Полесья. Картина рассыпалась при любой попытке собрать её по географии.

— Деньги тоже мимо, — продолжил он, придвигая к себе следующую стопку. — Вейр зарабатывал хорошо, Элиза Мор после смерти мужа жила на ренту, Край делил комнату ещё с тремя подмастерьями и задолжал хозяину за два месяца. Политика не совпадает. Возраст не совпадает. Происхождение не совпадает. Даже семейное положение — и то весь набор человеческих ошибок.

Лиара посмотрела на десять фотографий.

— Лики.

Рен проследил за её взглядом. На каждой карточке внизу стояла короткая строка: вид, дата первичной регистрации,

последние изменения.

— Это мы знаем с самого начала, — заметил он, уже без прежней насмешки. — Все дупприродные.

— Значит, проверим не наличие. Проверим сами Лики.

Она сняла с доски карточку Роэна Сая. **Лик: речная выдра.**

На первый взгляд ничего примечательного. Распространённый вид, особенно в прибрежных районах, никаких специальных ограничений или редких свойств. Лиара уже собиралась вернуть карточку на место, когда Рен, продолжавший листать старую подшивку, неожиданно задержал палец на странице.

— Подожди.

Он придвинул газету к свету. Бумага за восемь лет пожелтела, чернила местами расплылись, но фотография молодого Роэна всё ещё различалась: худой мужчина стоял рядом с разбитым грузовым экипажем, смущённо улыбаясь в камеру.

— Здесь про него заметка. Вытащил мальчишку из-под колёс, журналист поговорил с сестрой.

Лиара наклонилась через его плечо. От старой бумаги пахло пылью и сухим клеем. Рен провёл ногтем под строчкой.

— «В детстве Роэн был тихим ребёнком и после первого выхода особенно боялся глубокой воды...»

Он замолчал. Лиара посмотрела на регистрационную карточку и потом снова на газету.

— Выдра.

Рен откинулся на стуле и потёр подбородок.

— Само по себе ничего не значит. Человек может бояться воды независимо от Лика, а журналист мог перевернуть слова сестры.

— Конечно.

Лиара не стала спорить, только написала рядом с фамилией маленький вопросительный знак. Через двадцать минут появился второй.

Нейра Холт официально была зарегистрирована как серая сова. В школьном ежегоднике десятилетней давности обнаружилась фотография выпускного класса, а под ней — длинное посвящение любимой учительнице, написанное учениками. Большая часть состояла из обычной сентиментальности, но одна фраза заставила Лиару вернуться к началу.

«Госпоже Холт, которая всегда знает, кто идёт по коридору, ещё до того, как тот повернёт за угол».

Рен прочитал через её плечо и пожал плечами.

— Хороший слух.

— Возможно.

— Совы тоже неплохо слышат.

— Возможно.

Он покосился на неё.

— Ты говоришь «возможно» тем голосом, которым обычно имеешь в виду «не неси ерунду».

— За годы совместной работы ты стал удивительно вос-

приимчив к нюансам. — Лиара поставила второй вопросительный знак. Третий обнаружился ближе к четырём.

Арден Край, девятнадцатилетний подмастерье, согласно Реестру обладал Ликом домашней кошки. За два года до исчезновения он участвовал в портовой драке, ничем не примечательной, если бы один из стражников не оказался человеком с литературными наклонностями и не записал показания свидетеля почти дословно.

Лиара читала протокол, пока Рен стоял у неё за спиной и ел яблоко.

— «После прибытия стражи гражданин Край совершил выход, после чего поднялся по внешней стене склада на высоту третьего этажа, не используя лестницу или страховочное снаряжение...»

Она остановилась и Рен перестал жевать. Лиара медленно повернула к нему лист.

— Домашняя кошка.

— Кошки лазают по стенам, — как само собой разумеющееся отметил Рен.

— По мокрому кирпичу на третий этаж?

Рен задумчиво откусил ещё кусок яблока.

— Очень мотивированные.

— Он был пьян.

— Тем более. Пьяные люди вообще значительно шире понимают собственные возможности.

Лиара фыркнула и вернулась к протоколу, но рядом с име-

нем Края всё равно появился третий вопросительный знак.

К шести вечера их стало шесть. Ни одно несоответствие нельзя было назвать доказательством. Именно это раздражало сильнее всего. Каждое имело совершенно разумное объяснение: журналист ошибся, свидетель преувеличил, родственник плохо запомнил, проявление Лика оказалось нетипичным. Если бы подобная странность встретилась у одного человека, Лиара не потратила бы на неё больше минуты. Но когда шесть разных людей из десяти обладали официальными Ликами, которые почему-то плохо сочетались со старыми свидетельствами, случайность начинала требовать слишком много оправданий.

Рен стоял рядом с ней перед доской, держа руки в карманах, и на этот раз шутить не пытался.

— Допустим, записи неправильные, — произнёс он после долгого молчания. — Что это нам даёт?

Лиара провела карандашом от фотографии Роэна к строке с его Ликом, затем к дате последнего изменения карточки. — Пока ничего. Но вчера я смотрела историю обращений к записям. Карточки всех девятерых менялись незадолго до исчезновения.

Рен повернулся к ней.

— Насколько незадолго?

— По-разному. Несколько месяцев, иногда меньше года. Я тогда решила, что это обычная сверка данных, потому что не знала, что искать, — ответила Лиара.

Она быстро достала вчерашние записи и начала сверять даты. Рен придвинул второй стул, сел рядом и уже через несколько минут перестал выглядеть скучающим. Изменения действительно были. Не у шести. У всех десяти. У Вейра запись обновили за семь месяцев до смерти. У Края — за четыре до исчезновения. У Нейры Холт — чуть больше чем за месяц. У остальных интервалы отличались, но последовательность сохранялась с неприятной аккуратностью: сначала кто-то открывал карточку и вносил изменение, затем через некоторое время человек исчезал. Рен несколько раз проверил даты, словно надеялся, что одна из них окажется ошибочной.

— Что именно меняли?

Лиара откинулась на спинку стула.

— Вот это и есть проблема. Обычная выгрузка показывает факт изменения, дату и текущие сведения. Предыдущую редакцию она не хранит.

— Не показывает, — поправил Рен.

Лиара посмотрела на него. Он уже невесело улыбался. Так Рен улыбался, когда видел дверь с табличкой «посторонним вход воспрещён» и начинал размышлять, насколько слово «посторонний» применимо лично к нему.

— Именно за это я тебя и терплю, — сказала она.

— А я думал, за красоту.

— Красивых людей много. Полезных значительно меньше.

— Запишу как признание.

Дверь переговорной открылась прежде, чем Лиара успела ответить. Северина Корш вошла без стука, что в собственной редакции считала не нарушением границ, а естественным правом хищника на территорию. Короткие седые волосы после улицы ещё сохраняли несколько дождевых капель, под мышкой она держала папку, а в пальцах незажжённую сигарету, которую последние два года носила чаще, чем курила.

Её взгляд скользнул по доске, остановился на десяти фотографиях и стал внимательнее. — Я оставила вас одних на несколько часов, — произнесла Сева, закрывая за собой дверь, — и теперь переговорная выглядит как комната человека, которого соседи через неделю будут описывать полиции словами «всегда здоровался, но производил странное впечатление».

Рен отодвинул стул.

— Мы старались сохранить редакционный стиль.

Сева проигнорировала его и посмотрела на Лиару. Взгляд задержался на синяке, затем на плече, но вопросов она не задала. Очевидно, ночного разговора с Марексом ей хватило хотя бы до момента, когда появится возможность устроить допрос без свидетелей.

— Показывай.

Лиара начала с фактов. На этот раз рассказ занял меньше времени: десять человек, все двуприродные, все записи Ре-

естра изменены перед исчезновением, у шестерых текущие сведения о Лике плохо согласуются со старыми независимыми свидетельствами.

Сева слушала, медленно двигаясь вдоль доски. На Роэне она задержалась лишь на секунду, возле Нейры Холт остановилась дольше, а когда взгляд дошёл до даты изменения карточки Вейра, пальцы, державшие сигарету, едва заметно сжались. Лиара это увидела. Не движение само по себе, а момент, когда оно произошло.

— Что? — спросила она.

Сева подняла глаза.

— Ничего.

— Ты посмотрела на дату.

— Я смотрю на доску. Для этого вы, предположительно, её и используете.

Лиара не отвела взгляда.

— Сева.

Редактор выдержала паузу, затем положила сигарету на стол и придвинула к себе копии карточек.

— У вас есть оригинальные записи?

— Нет.

— Тогда у вас нет доказательства, что менялся именно Лик. Только доказательство того, что карточки редактировались.

— У всех десятерых.

— Это делает совпадение интересным, но не превращает

предположение в факт.

Лиара почувствовала знакомое раздражение, но почти сразу признала, что Сева права. Именно поэтому спорить с ней было особенно неприятно: она редко оставляла удобную возможность считать себя несправедливо обиженной.

— Старые свидетельства не совпадают с нынешними Ли-ками, — напомнила Лиара.

Сева провела пальцем по школьному ежегоднику Нейры Холт.

— Свидетельство десятилетней давности, написанное детьми. Газетная заметка со слов родственницы. Полицей-ский протокол после пьяной драки. Если завтра Канцелярия положит перед тобой заключение Реестра и скажет, что ты построила теорию на метафорах и чужой памяти, чем будешь отвечать?

Лиара молчала.

— Вот именно, — продолжила Сева уже мягче. — Вер-сия хорошая. Слишком хорошая, чтобы позволить себе в неё влюбиться.

Эту фразу Лиара слышала от неё десятки раз и всё равно каждый раз воспринимала почти как личное оскорбление.

— Значит, нужны предыдущие версии карточек.

— Нужны, — согласилась Сева.

— Они существуют?

И вот здесь что-то изменилось. Сева не отвела глаз и не сделала ни одного лишнего движения, однако ответила не сразу, а Лиара слишком долго зарабатывала на жизнь чужими паузами, чтобы не заметить эту.

— В официальном доступе — нет.

Рен, до этого молча сидевший у стола, перестал крутить карандаш Лиара почувствовала, как версия впервые за день приобретает твёрдую поверхность:

— Я не спрашивала про официальный доступ.

Сева посмотрела на неё почти с укором.

— Именно поэтому я уточнила.

Несколько секунд они молчали. За стеклом редакция постепенно пустела. Кто-то натягивал пальто, хлопали ящики столов, звякнул дверной колокольчик, а по окну ползли длинные дождевые капли, дробя отражения ламп на золотистые полосы.

— Ты знаешь, где искать, — сказала Лиара.

Это не было вопросом. Сева взяла сигарету со стола, но не закурила.

— Я знаю, что государственные системы редко уничтожают информацию так хорошо, как утверждают их создатели. Особенно когда речь идёт о ведомстве, которое обязано фиксировать каждое изменение.

— Значит, история сохраняется.

— Я этого не говорила.

— Ты буквально только что это сказала, — начала спорить Лиара.

— Нет. Ты буквально только что услышала то, что хотела услышать. Это разные вещи, и журналисту полезно помнить разницу.

Лиара уже собиралась продолжить, когда Сева подняла ладонь, останавливая её, и впервые за весь разговор посмотрела не на доску, а прямо на неё.

— Если полезешь в Реестр, не начинай с начальства.

Сказано это было спокойно. Слишком спокойно. Лиара

прищурилась.

— Почему?

Сева снова взяла папку под мышку.

— Потому что начальство существует главным образом для того, чтобы объяснять, почему ты не имеешь права знать то, что знают его подчинённые.

Рен тихо усмехнулся.

— Наконец-то редакционная политика, с которой я полностью согласен.

Сева уже взялась за ручку двери, когда Лиара остановила её:

— Ты ведь что-то узнала на доске.

На этот раз пауза была длиннее. Северина повернула голову. На лице не осталось ни раздражения, ни обычной иронии, и именно отсутствие привычной реакции заставило Лиару насторожиться сильнее.

— Я узнала плохую привычку, Вельская. Ты снова начинаешь любить собственную версию.

— Не уходи от ответа.

— А ты не задавай вопрос, если пока не готова доказать, что ответ тебе солгал.

Она вышла. Дверь закрылась почти бесшумно. Лиара несколько секунд смотрела ей вслед.

— Это было слишком подозрительно, — произнёс Рен.

Она медленно повернулась к нему.

— Спасибо. Я боялась, что только мне показалось.

— Нет. Но если ты сейчас пойдёшь за ней и начнёшь давить, она закроется.

— Знаю.

— Поэтому ты, конечно, не пойдёшь.

Лиара посмотрела на дверь. Рен подождал.

— Лиара.

— Я думаю.

— Именно этого я и боюсь.

Ещё немного подумав, она всё-таки осталась.

К восьми вечера в «Гласе» горели только три лампы: над столом выпускающего, в кабинете Севы и в переговорной, где Лиара с Реном продолжали разбирать документы. Дождь усилился, и старые окна мелко дрожали под порывами ветра. С Морока тянуло сыростью и солью; запах проникал даже сюда, смешиваясь с бумагой, чернилами и остывшим кофе.

На столе лежали десять регистрационных карточек. Десять дат изменения. Десять исчезнувших людей. Лиара провела пальцем по строчкам и вдруг поняла, что её раздражало весь день.

— Мы всё время формулируем неправильно.

Рен поднял голову от справочника. Она развернула к нему лист и зачеркнула написанное несколько часов назад:

Почему сведения о Ликах не совпадают?

Ниже написала другое:

Что было в карточках до изменения?

Рен прочитал и медленно кивнул.

— Уже лучше.

— Нам не надо доказывать, что нынешние записи неправильные. Нам надо увидеть предыдущие.

— Которые официальный доступ не показывает.

— Но Сева считает, что они где-то есть. Что говорит о том, что Сева считает значительно больше, чем говорит, — Лиара положила карандаш. — Значит, нужен человек внутри.

Рен ничего не ответил. Она подняла глаза обратив внимание, что он сидел слишком неподвижно.

— Что?

— Ничего.

— Рен, — с мягкой угрозой протянула Вельская.

— Почему вы все сегодня произносите моё имя таким тоном?

— Потому что ты сейчас выглядишь как человек, который уже знает человека внутри.

Он вздохнул, закрыл справочник и некоторое время разглаживал ладонью его потёртую обложку. Лиара откинулась на спинку стула и терпеливо ждала. Это всегда работало лучше вопросов. Рен, как и всегда, выдержал секунд десять, затем сдался.

— Несколько месяцев назад я делал материал про двойные регистрации после переселения из Полесья. Реестр, как обычно, прислал официальный ответ на четыре страницы, смысл которого сводился к *«ошибок нет, а если есть, то они предусмотрены инструкцией»*. После публикации мне напи-

сала одна сотрудница.

— Имя?

— Мира Соль.

Лиара потянулась за блокнотом, но Рен накрыл его ладонью.

— Сначала дослушай. Она не источник в обычном смысле. Ничего секретного не сливала, документов не передавала, просто указала, где именно в ответе Реестр врёт. Очень нервная, очень точная и, судя по переписке, считает неправильную нумерацию страниц личным оскорблением.

— Уже нравится.

— Тебе нравятся все полезные люди.

— Неправда. Некоторые ещё и красивые.

Рен убрал ладонь с блокнота.

— Не начинай. После твоей ночёвки в Управлении я боюсь уточнять критерии.

Лиара улыбнулась и записала имя.

Мира Соль.

— Какой отдел?

— Архивная сверка и корректировка записей. Если где-то сохраняются предыдущие версии карточек, она либо знает где, либо знает человека, который знает.

Лиара остановила карандаш. За окнами низко прокатился гул Морока, почти неразличимый под дождём.

— Свяжись с ней.

Рен посмотрел на часы.

— Сейчас почти девять.

— И?

— Нормальные люди после девяти не обсуждают государственные реестры.

Лиара вспомнила чёрную дверь, появившуюся там, где секунду назад была лестница; кресло с ремнями; собственное имя, вырезанное в камне и Вейра, поднимающегося из воды, которой было по щиколотку.

— Рен, — сказала она, закрывая блокнот, — нормальные люди закончились у нас примерно вчера вечером.

Он посмотрел на неё, потом на десять фотографий на доске и без дальнейших возражений потянулся к переговорной пластине. Лиара осталась у окна. С высоты редакции Морок почти не был виден за дождём, только иногда между крышами проступала его тёмная поверхность. Белёная линия на ладони всё ещё не исчезла, и Лиара машинально спрятала руку в карман прежде, чем успела задуматься, зачем это делает. За спиной зашуршала бумага.

— Нашёл, — произнёс Рен.

Лиара обернулась. Он держал старую записную книжку раскрытой на середине. Возле имени **Мира Соль** стояли служебный номер и короткая пометка, сделанная рукой Рена несколько месяцев назад. **Не любит звонки. Лучше писать.** Ниже была ещё одна. **Бойтся начальства.**

Лиара подошла ближе.

— Отлично.

Рен поднял на неё глаза.

— Что именно в этом отлично?

Она забрала у него карандаш и дописала под двумя строчками третью:

Значит, знает достаточно, чтобы было чего бояться.

Рен прочитал, тяжело вздохнул и потянулся за чистым листом. А на доске за его спиной десять фотографий продолжали смотреть в комнату лицами людей, которые когда-то тоже считали, что запись в государственном Реестре — всего лишь запись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.